

[Перейти](#)

Митинг «Допускай», 27 июля 2019 год, Москва / Евгений Фельдман для «Медузы»

30.08.2019

Московский эксперимент

Дата публикации: 30.08.2019

English version: [Moscow experiment](#)

РЕЗЮМЕ

Фокус внимания ОВД-Инфо и, соответственно, этого доклада — политические репрессии, прежде всего, нарушения права на свободу собраний. Сами протесты, его причины и реакция общества традиционно находятся за рамками нашего внимания, но для понимания логики текущей волны политических преследований важно кратко изложить причины протеста.

Все началось с фундаментального нарушения прав человека. Недопуск независимых кандидатов до выборов в Московскую городскую думу под надуманными и неправовыми предлогами вызвал ожидаемое раздражение граждан. Незаконные отказы мэрии

согласовывать акции протеста приводили к неправомерным задержаниям их участников. Вкупе с проявлением полицией демонстративного насилия как одного из элементов медийного запугивания горожан это трансформировало раздражение политически активных граждан в негодование всего общества. В свою очередь, насилие полиции не могло не привести к возбуждению отдельных уголовных дел против самих задержанных, что только подпитывало протестные настроения москвичей. Стандартная реакция власти на рост протеста — дальнейшее наращивание уровня политического давления, что проявилось в возбуждении все новых уголовных дел. Именно описанию цикла «нарушение прав человека — протест — репрессии», ведущему одновременно к росту протестных настроений и ответной эскалации государственного насилия, и посвящен наш доклад.

Последние 8 лет ОВД-Инфо фиксирует разные этапы этого цикла, но сейчас ситуация кардинально изменилась. Массовые задержания на протестных акциях этого лета, последовавшие за ними административные аресты участников акций и незарегистрированных кандидатов в Мосгордуму, обыски, допросы и аресты — как политических активистов, так и просто сочувствующих им людей в рамках целого веера уголовных дел — вызвали широчайший общественный резонанс. С различными репрессивными практиками российской государственной системы за очень короткий период столкнулись тысячи конкретных людей, а сотни тысяч, если не миллионы, в деталях увидели как эта машина работает. Как следствие, изменилось и восприятие репрессий — общество больше не готово с ними мириться и открыто демонстрирует свою позицию с помощью публичных заявлений, пикетов и митингов, общественных кампаний, коллективных писем, поручительств и сбора средств в пользу арестованных. Сам протест, изначально посвященный праву на выбор, практически

трансформировался в движение против политических репрессий.

Качественно иная общественная реакция на репрессии, с нашей точки зрения, и есть новая и наиболее значимая составляющая текущих событий, которые создают крайне робкую, но все же надежду на выход из описанного цикла без катастрофических для общества и страны последствий. Но подготовленный нами доклад о событиях этого лета — о другом: о той части этого цикла, которую мы называем репрессиями. Доклад — только о плохом: о масштабах, структуре и конкретных деталях текущей волны политического давления.

Мы хотим дать возможность и обществу в целом, и профессиональным сообществам — журналистам, исследователям, политологам, правозащитникам, юристам, активистам и политикам — сформировать собственное представление о текущей волне политических репрессий. Именно поэтому наш первый доклад носит не оценочный и даже не аналитический, а чисто фактологический характер. Скорость развития событий и объем информации не позволяет нам оперативно представить обществу полный анализ происходящего с учетом и правового, и сравнительно-хронологического контекстов. Но даже простое фактологическое изложение событий позволяет не просто увидеть картину целиком, но и сделать некоторые первые выводы.

Масштабы репрессий

- Число задержаний на акции **27 июля** — как минимум **1373** — рекордное за всю историю наблюдений ОВД-Инфо (с декабря 2011 года). Предыдущий рекорд был зафиксирован **26 марта 2017 года** в Москве — **1043** человека. Общее число задержаний на череде московских акций с 14 июля по 31 августа — около **2700** — можно сравнить только с общим годовым числом задержаний в Москве в самые протестные годы (2012 год — 3773 задержаний на 187 акциях; 2017 год — 3462 задержания на 199 акциях).
- Количество дел, возбужденных по разным статьям уголовного кодекса в контексте московских протестов, говорит само за себя — органы возбудили дела уже по 10 статьям, от вполне классических в таких случаях 318 («применение насилия в отношении представителя власти») и 212 («массовые беспорядки») до новаторских — 141 («воспрепятствование деятельности избирательной комиссии») и 156 («неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего»). Количество людей, которых допрашивают и потенциально могут обвинить по той или иной статье, исчисляется сотнями человек.
- В осуществлении репрессий задействованы практически все силовые структуры, причем, одновременно и региональные, и федеральные подразделения: зафиксировано участие, как минимум, МВД и Центра по противодействию экстремизму, Росгвардии, Следственного комитета, Прокуратуры, ФСБ, службы судебных приставов, военных комиссариатов.

Структура репрессий

- Незарегистрированные кандидаты в Мосгордуму: изначально обыски и допросы по делу о воспрепятствовании деятельности избирательной комиссии, а затем многие были изолированы в рамках административных арестов.
- Участники протестных акций: тысячи задержаны и подвергнуты последующим административным наказаниям, 15 человек уже арестованы и находятся в заключении.
- Студенты: помимо того, что среди задержанных, а впоследствии и арестованных участников протеста много студентов столичных университетов, администрации ряда ВУЗов предпринимали попытки давления на студентов с целью отговорить их от участия в протестах.
- Фонд борьбы с коррупцией: в рамках возбужденного против сотрудников фонда уголовного дела были заблокированы банковские счета организации и ряда сотрудников, несколько раз проводились обыски в офисе, против директора фонда и одновременно одного из незарегистрированного кандидатов в МГД Ивана Жданова возбуждено уголовное дело о неисполнении решения суда.
- Другие организации: в рамках дела о массовых беспорядках силовики провели обыски и выемки документов у общественных организаций «Правовая инициатива» и «Миротворческая миссия имени генерала Лебедея»; в прямом эфире телеканала «Дождь» главному редактору была вручена повестка на допрос в рамках неизвестного уголовного дела.

Механика репрессий

Если часть возбужденных уголовных дел носит эксклюзивный, точечный или пропагандистский характер,

то в случае с задержаниями и уголовными делами по следам самих акций существует логичная последовательность действий различных государственных органов:

- Мэрия Москвы отказывает в согласовании протестных акций без каких-либо законных и серьезных оснований, что приводит к созданию небезопасных для участников этих акций условий;
- Полиция и Росгвардия вместо обеспечения безопасности участников публичных мероприятий, как того требует законодательство, разгоняет мирные акции и задерживает их участников;
- Сотрудники отделов полиции оформляют задержанных с множественными нарушениями процессуальных норм, зачастую по заданному шаблону (иногда — «под копирку»);
- Районные суды не рассматривают дела задержанных на акциях по существу, нарушают права задержанных на защиту и основывают свои постановления исключительно на данных полиции и Росгвардии;
- В результате конвейерного производства «административно виновных» участников акций создаются предпосылки для фабрикации связанных с митингами уголовных дел.

Значимые тенденции

- Против Константина Котова было возбуждено уголовное дело по статье 212.1 УК (о неоднократном нарушении установленного порядка проведения акций). Эта статья позволяет наказывать ранее задержанных на митингах людей уже не в административном, а в уголовном порядке — в случае наличия трех административных дел и появлении четвертого по «митинговой» статье 20.2 административного кодекса. Еще в начале 2017 года Конституционный суд признал такую практику спорной и рекомендовал применять эту статью только в случае доказанности общественной опасности совершенных административных правонарушений. Котов стал седьмым человеком, против которого возбуждено дело по этой «спящей» статье. Значимость этого уголовного дела объясняется демонстрацией возможности ее применения против тех незарегистрированных кандидатов в МГД, которые были последовательно заключены под административный арест по 3–5 раз подряд.
- Скорость следствия: расследование в отношении пяти фигурантов закончено в кратчайшие сроки — от двух с половиной до 20 дней.
- 5 компаний, в той или иной степени аффилированных с мэрией Москвы, по следам акции 27 июля подали иски о возмещении ущерба к незарегистрированным кандидатам в МГД и сотрудникам ФБК на общую сумму свыше 14 миллионов рублей. Значимость этих исков может объясняться необходимостью продемонстрировать ущерб от мирных акций протеста, измеряемый в крупных суммах — при полном отсутствии реальных доказательств в деле о массовых беспорядках, эти иски могут помочь следствию в формировании доказательной базы.

- Сотрудники полиции применяли чрезмерное насилие при задержаниях, как минимум 68 человек были избиты. Избиения, проходившие при большом количестве свидетелей и журналистов, в том числе, показанные в прямом эфире телеканала «Дождь», стали существенным элементом пропагандистской кампании по запугиванию протестно-настроенных горожан.

В совокупности все приведенные выше факты показывают, что уровень текущих репрессий достиг максимальных значений (как минимум, с декабря 2011 г., когда ОВД-Инфо начал мониторинг). Одновременно изложенные в докладе факты дают все основания полагать, что наблюдаемая волна политического насилия не является инициативой какого-то одного ведомства. Участие всех силовых структур и поддержка их активности судебной системой, городской администрацией и политическими институтами власти дают все основания полагать, что речь идет о единой кампании, в той или иной степени координируемой из единого центра.

Эта гипотеза, банальная для большинства, не совсем очевидна для авторов: наблюдая и анализируя репрессии много лет, мы видим, что большинство случаев преследования носят скорее ведомственный, а в силу появления квази-правовых механизмов, зачастую и институциональный характер, и их ход непосредственно не подконтролен политической власти. В данном случае ситуация иная и все еще принципиально неопределенная — события могут развиваться как в сторону дальнейшего роста репрессий (количество уже открытых уголовных дел подсказывает именно этот вариант будущего), так и в сторону их снижения и сворачивания текущей волны преследований (к чему подталкивает небывалый уровень общественной поддержки арестованных и задержанных).

ПРИЧИНЫ ПРОТЕСТА

8 сентября 2019 должны состояться очередные выборы в Московскую городскую думу (МГД). Кандидатам для регистрации необходимо собрать подписи избирателей в свою поддержку в количестве 3% от всех избирателей округа (от 4500 до 5500 подписей). От сбора подписей были освобождены кандидаты, выдвинутые политическими партиями, представленными в Государственной думе. Кандидаты не от парламентских партий должны были сдать подписи до 6 июля. У окружных избирательных комиссий (ОИК) было десять дней на принятие решения о регистрации или отказе кандидату.

13 июля ОИКи начали выдавать протоколы о результатах проверки собранных ими подписей. 39 независимых кандидатов получили отказ в регистрации. Причиной был назван высокий процент забракованных подписей (выше допустимых 10%): в частности, несоответствие личных данных избирателей информации в базе МВД, претензии графолога, ошибки в оформлении подписных листов.

Независимые кандидаты обвинили Мосгоризбирком (МГИК) в **подлоге**, направленном на запрет оппозиции участвовать в выборах: члены комиссий намеренно вводили в базы данных персональные данные с ошибками, справки графологов не содержат объяснения методик оценки, расчётов и образцов почерка, отдельные документы были подменены.

Многие известные общественные деятели пожаловались, что комиссии признали недействительными их подписи в поддержку кандидатов.

По состоянию на конец августа лишь **одна** из 23 жалоб кандидатов была удовлетворена. Еще одного, уже зарегистрированного независимого кандидата, сняли с выборов из-за пробела вместо слова «отсутствует»

в справке об отсутствии иностранных обязательств
имущественного характера.

ХРОНОЛОГИЯ АКЦИЙ В ПОДДЕРЖКУ НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ КАНДИДАТОВ

Встреча кандидатов в депутаты Мосгордумы с избирателями 14 июля

11 июля, когда стало понятно, что проверка подписей независимых кандидатов проходит предвзято, 17 кандидатов **призвали** москвичей прийти 14 июля в Новопушкинский сквер на встречу кандидатов в депутаты Мосгордумы с избирателями.

12 июля в московской прокуратуре **заявили**, что акция не согласовывалась с властями. Организаторам встречи было вынесено предостережение о недопустимости нарушения действующего законодательства. Участники акции отправились к московской мэрии, потом — к зданию Мосгоризбиркома (МГИК), где потребовали встречи с главой ведомства Валентином Горбуновым. Ряд кандидатов объявили сидячую забастовку и решили остаться на ночь у здания МГИКа. После попытки установить палатку полиция задержала, по **данным** ОВД-Инфо, 39 человек. Многие **свидетельствовали** об **избиениях** полицейскими, как минимум, троих увезли из отделов полиции на скорой. В ходе акции у мэрии кандидаты заявили, что будут встречаться с избирателями каждый день на Трубной площади в 19:00.

Встречи кандидатов в депутаты Мосгордумы с избирателями на Трубной площади 15—19 июля

15 июля в начале акции неизвестный бросил на газон дымовую шашку, после чего покинул мероприятие. Полицейские решили, что это сделали двое протестующих, которых позже **арестовали** на трое суток. Также за попытку устроить потасовку полиция задержала двух активистов движения SERB. Последующие встречи прошли без задержаний.

17 июля к трем незарегистрированным кандидатам приходили сотрудники полиции, которые хотели вручить предостережение прокуратуры о незаконности встречи с избирателями на Трубной площади.

«За допуск на выборы». Митинг на проспекте Сахарова 20 июля

Организаторами митинга выступила Либертарианская партия России (ЛПР). По **данным** движения «Белый счетчик», в митинге приняло участие около 22,5 тысяч человек.

Во время своих выступлений Алексей Навальный и Илья Яшин предложили провести через неделю несогласованный митинг у здания мэрии Москвы, если к тому времени не будут зарегистрированы все независимые кандидаты в депутаты. Позже было **опубликовано** заявление 16 незарегистрированных кандидатов о намерении организовать встречу с кандидатами в депутаты у мэрии Москвы 27 июля в 14:00, если в течение недели после митинга независимые кандидаты не будут зарегистрированы на выборах.

По данным ОВД-Инфо, во время акции 20 июля были задержаны 6 или 7 человек. Достоверно известно только о троих задержанных, которых доставили в отдел полиции «Красносельский». Среди них был несовершеннолетний, которого отпустили после того, как в отдел приехала его

мать. Одному из задержанных, Алексею Кутенкову, **сломали руку** во время задержания. Позже на него составили протокол по части 1 статьи 19.3 КоАП (неповиновение сотруднику полиции). 22 июля Мещанский суд присудил Кутенкову штраф 1000 руб, судья посчитал рапорты полицейских достаточным доказательством и **отказался** приобщить к делу видео и вызвать свидетелей.

С 21 по 26 июля проводились одиночные пикеты напротив здания мэрии Москвы. Поздним вечером 26 июля на Трубной площади **задержали** четырех активистов, которые раздавали листовки с информацией о митинге 27 июля. Двое из них — несовершеннолетние.

«Вернём себе право на выборы». Встреча с кандидатами в депутаты 27 июля

Утром полиция задержала четырех незарегистрированных кандидатов в МГД. До вечера они находились в полиции и судах.

Вдоль всей Тверской улицы были выставлены металлические ограждения, автобусы и автозаки. Плохо работала мобильная связь. Очевидцы сообщали, что полицейские эвакуируют кафе, находящиеся вблизи Тверской улицы. Задержания начались за два часа до начала акции.

После начала акции силовики вытеснили митингующих с Тверской улицы в переулки. Протестующие в течение нескольких часов гуляли по Москве, выкрикивая требования регистрации кандидатов в Мосгордуму и отставки мэра Москвы Сергея Собянина. На несколько минут было перекрыто движение по Садовому кольцу в районе Цветного бульвара. К 8 часам вечера ОМОН вытеснил собравшихся на Трубной площади людей.

Во время разгона акции протеста силовики избивали людей дубинками, в том числе, по голове; наносили травмы при задержаниях — например, валили на землю. Избиения продолжались и в некоторых автозаках. Корреспондент «Медиазоны» **сообщал**, что полицейские натравливали на участников акции служебных собак. Силовики также избивали журналистов.

Всего, по **данным** ОВД-Инфо, были задержаны 1373 человека, из них около 25 несовершеннолетних. Минимум 256 человек оставили ночевать в отделах полиции.

Ранним вечером полиция **ворвалась** в студию медиапроекта «Навальный LIVE», ведущего трансляцию с акции протеста, и устроила обыск. Пятеро человек были задержаны.

В редакцию телеканала «Дождь», так же ведущего прямой эфир с акции, **приходили** полицейские, которые вручили главному редактору повестку на допрос по неизвестному уголовному делу. Позже на сайт «Дождя» началась хакерская атака.

«Вернём себе право на выборы — 2», прогулка по бульварам 3 августа

Ночью 30 июля команда независимых депутатов выпустила **заявление** с призывом всем собраться на большую акцию в центре Москвы 3 августа в 14 часов.

Изначально акцию пытались согласовать дважды — сначала представители ЛПР, затем группа незарегистрированных кандидатов в МГД. Представителям ЛПР отказали во всех предложенных вариантах проведения митинга, кроме проспекта Сахарова, который был предложен мэрией 30 июля в качестве безальтернативного варианта. ЛПР отозвали заявку, а одного из представителей партии, Михаила

Светова, задержали на выходе из здания мэрии. Во время задержания ему прямым текстом сказали: «Надо было соглашаться на Сахарова». На следующий день Пресненский суд **арестовал** Светова на 30 суток за повторное нарушение правил проведения митингов (часть 8 статьи 20.2 КоАП).

Второй группе незарегистрированных кандидатов было отказано в согласовании.

31 июля отдельные муниципальные депутаты **подали** заявки на 11 пикетов на различных отрезках Бульварного кольца. Была создана **петиция** в адрес мэрии Москвы за подписью 82 муниципальных депутатов с призывом чиновникам, принимающим решения об обеспечении общественного порядка в Москве, воздержаться от применения силы по отношению к мирным гражданам и выполнять свои обязанности по обеспечению безопасности всех граждан страны. 2 августа заявители пикетов получили **ответы** от префектуры ЦАО, что заявки не могут быть согласованы, так как были поданы слишком поздно.

В дни перед акцией **МВД** и **Московская прокуратура** выпустили заявления о недопустимости несогласованных публичных мероприятий. Заместитель генпрокурора **заявил**, что «прокурорам следует жестко пресекать действия организаторов и участников незаконных и несогласованных публичных акций».

В день акции полицейские массово останавливали людей на улицах, проверяли у них документы и доставляли в отделы полиции. Там им пытались вручить предостережение о незаконности мероприятия. Днем в центре города был **отключен** мобильный интернет.

Сотрудники силовых ведомств, как и за неделю до этого, жестко задерживали и избивали людей, вышедших

на улицу. По информации ОВД-Инфо **задержали** 1001 человека.

Известно как минимум о 18 избитых силовиками. Среди задержанных минимум 81 несовершеннолетний и 14 журналистов.

Почти во все отделы полиции до позднего вечера не допускали адвокатов. Сотрудники следственного комитета опрашивали задержанных, изымали у них телефоны и брали образцы ДНК для анализа. Многие задержанные получили повестки на допросы.

Одиночные пикеты в поддержку Егора Жукова

5 августа студенты «Высшей школы экономики» провели серию одиночных пикетов в поддержку фигуранта дела о «массовых беспорядках» Егора Жукова, студента того же ВУЗа. Сотрудники полиции сочли передачу плакатов из рук в руки как достаточную причину для задержания четверых пикетчиков. На одного из студентов оформили протокол об организации несогласованной акции, 22 августа суд назначил ему восемь суток административного ареста, а другим задержанным штрафы.

Митинг на проспекте Сахарова и последующая прогулка в поддержку честных выборов, акции солидарности в других городах, 10 августа

Из четырех заявок на митинги и шествия мэрия согласовала только митинг на проспекте Сахарова 10 и 11 августа.

В ходе предварительного обсуждения мэрия **запретила** музыкальные выступления на митинге, однако

организаторы митинга с этим ограничением не согласились, ссылаясь на то, что у властей нет права вмешиваться в формат проведения мероприятия. На 10 августа после митинга также была намечена «Прогулка в поддержку честных выборов». Ее организаторы настаивали на том, что «у москвичей есть право свободно гулять по своему городу, а не только на отдельно взятом огороженном проспекте под присмотром избивающей их полиции. И власть обязана обеспечить их право гулять по городу, в том числе 10 августа».

Перед митингом на проспекте Сахарова задержали незарегистрированного кандидата Любовь Соболь. Как и 3 августа, полицейские ворвались в центр сбора подписей, устроили обыск, а саму Соболь увезли в неизвестном направлении. Через шесть часов ее доставили в отдел полиции Троицка, где составили административный протокол за повторное нарушение правил организации мероприятия (ч. 8 ст. 20.2 КоАП). Сразу после митинга был задержан один из выступающих — Борис Золотаревский, позже ему присудили 30 суток административного ареста. Ночью задержали выступившего на митинге Алексея Полиховича, его обвинили в мелком хулиганстве за нецензурную лексику во время выступления и присудили 13 суток ареста.

По **данным** движения «Белый счетчик», митинг на проспекте Сахарова стал самым большим митингом с декабря 2011: в нем приняло участие более 50 тысяч человек. Главными требованиями, помимо регистрации независимых кандидатов в МГД, стали прекращение уголовного дела о массовых беспорядках и освобождение его фигурантов.

Акции солидарности — митинги и одиночные пикеты — с аналогичными требованиями прошли в более, чем

40 городах России. В них участвовали несколько тысяч человек по всей стране.

В Москве после митинга на проспекте Сахарова часть участников акции направились в сторону Чистых прудов и Китай-города. Там их снова начали жестко задерживать полицейские. В итоге, по **данным** ОВД-Инфо, в Москве задержали 256 человек, в Санкт-Петербурге — 79, в Ростове-на-Дону — 13, двоих в Брянске и двоих в Сыктывкаре.

6 человек были избиты силовиками. Среди задержанных были 28 несовершеннолетних и 3 журналиста. В некоторые ОВД не пускали адвокатов, в один отдел полиции приехала бригада СК.

В день акции вооруженные люди в форме ворвались в квартиру, где велся эфир «Навальный LIVE». Там находились сотрудники канала и сотрудники ФБК — всего десять человек. Их положили лицом в пол, одного из мужчин ударили в пах. К задержанным пять с половиной часов не пускали адвоката. У сотрудников канала и ФБК изъяли мобильные телефоны, технику и банковские карты и увезли в ОВД. Около десяти вечера их отпустили.

24—25 августа

В мэрию **поступило** 4 заявки на митинги и шествия с разными маршрутами.

15 августа мэрия **отказала** в проведении митинга на Большой Якиманке, ссылаясь на помехи движению пешеходов и транспорта, а также на то, что по этой улице проходят маршруты движения лиц, подлежащих охране. Вместо этого мэрия предложила устроить митинг между метро Марьино и Братиславская — в районе, отдаленном от центра Москвы. Организаторы от этого варианта **отказались**.

16 августа мэрия **отказала** в проведении шествия и митинга на части проспекта Сахарова, которая расположена внутри Садового кольца. При этом, мэрия **обвинила** организаторов, которые не согласились на митинг с внешней стороны Садового кольца, в «мелком шантаже». Представители ЛПР подали иск в отношении мэрии, но 23 августа Тверской районный суд **отказал** в удовлетворении.

31 августа

В мэрию поступило три заявки на митинги и шествия с разными маршрутами.

22 августа мэрия отказала в согласовании всех заявок.

Представителям ЛПР **отказали** в шествии по Бульварному кольцу, ссылаясь на отсутствие площадки для такого количества людей — и для митинга, и для прохода к нему, а также на помехи пешеходам и транспортным средствам. При этом мэрия не предложила ни одного альтернативного варианта.

26 августа Тверской районный суд частично удовлетворил иск ЛПР и обязал мэрию предложить альтернативное место и время для заявленного публичного мероприятия 31 августа, однако через несколько дней Мосгорсуд отменил это решение.

Группе муниципальных депутатов **отказали** в шествии по Тверской улице, ссылаясь на те же причины — отсутствие площадки и помехи пешеходам и транспортным средствам. Второй предложенный вариант маршрута шествия не был упомянут в отказе.

Еще одну заявку на проведение митинга на проспекте Мира отклонили по причине того, что этими же людьми была одновременно подана другая заявка — на проведение митинга на проспекте Сахарова.

В проведении митинга на проспекте Сахарова тоже было

отказано из-за ранее поданной заявке на другое мероприятие. Как и в случае с заявкой ЛПР, мэрия не предложила ни одного альтернативного варианта.

В тот же день выяснилось, что на проспекте Сахарова будет проходить фестиваль Российского союза молодежи «PROЛето». По **словам** председателя РСМ, изначально фестиваль должен был пройти на ВДНХ, но РСМ написал заявление на проведение фестиваля на еще одной площадке. «Мы выбрали проспект академика Сахарова», — сказал он.

3 сентября

В мэрию поступила заявка на шествие от Новопушкинского сквера до Гоголевского бульвара.

Мэрия вновь отказала в согласовании акции ссылаясь на большое количество запланированных мероприятий, посвященных дню солидарности в борьбе с терроризмом, а также на уже стандартные отсутствие площадки для собрания заявленного количества людей и помехи пешеходам и транспортным средствам. Альтернативные варианты снова не были предложены.

НАРУШЕНИЯ ПРИ ЗАДЕРЖАНИЯ И В ОТДЕЛАХ ПОЛИЦИИ

Массовые задержания на мирных акциях

Московские власти запретили проводить митинги и пикеты 27 июля, 3 и 10 августа на условиях организаторов, поэтому мероприятия не были четко оформлены или ограничены конкретной территорией. Они трансформировались в отдельные прогулки протестующих по центру города наряду с другими прохожими, которые

полиция насильственно пресекала. Действия протестующих носили явно мирный характер.

Единственным основанием для задержаний были не действия задержанных, а сам статус протестных мероприятий, запланированных на эти дни, — их «несогласованность». При этом, количество сотрудников полиции и Росгвардии, присутствовавших в эти дни на улицах города, очевидно свидетельствует о том, что о протестных выступлениях было известно заранее и у властей была возможность подготовиться к тому, чтобы обеспечивать общественный порядок — что и является основной целью подачи уведомления о мероприятии и процедуры согласования.

Очаги напряжения возникали вследствие действий полиции и Росгвардии. На улицах присутствовали большое количество «правоохранителей», улицы были блокированы, движение пешеходов ограничено. Отдельные группы пешеходов были оцеплены, на них нападали и агрессивно задерживали.

«Находясь в спецприемнике, я читала книгу о вторжении нацистов в нашу страну, — рассказывает в суде Юлия Галямина, одна из кандидатов в Мосгордуму, не допущенных на выборы, — Там описывается, как фашисты брали наши войска в котел, окружали их по всему периметру и не давали возможности выйти. То же самое проделывали с мирными гражданами сотрудники полиции, внутренних войск и Росгвардии на Трубной 27 июля 2019 года. Они оградили большую площадь по периметру. И у мирных граждан не было возможности из этого котла выйти. Когда я спросила полицейских: „Как же выйти?“ — мне ответили: „Только через автозак“. Других возможностей выйти не было».

Полиция не пыталась вычленять конкретных «нарушителей»

Среди задержанных на акциях были журналисты, освещавшие происходящее. Так, по информации, поступившей на горячую линию ОВД-Инфо, 10 августа в Москве задержали минимум 4 журналистов, 3 августа — 24 журналиста, 27 июля — 13 журналистов. Некоторых отпускали из автозак. 3 августа как минимум на пятерых были составлены протоколы по статье 20.2 КоАП.

Перед началом акции в центре Москвы, — говорится в сообщении Профсоюза журналистов и работников СМИ о событиях 27 июля, — была также задержана корреспондент Reuters Мария Цветкова, несмотря на наличие пресс-карты и аккредитации МИД, а также предварительное уведомление органов МВД. Мария была отпущена из ОВД Хорошевского района спустя 4 часа после доставления. В полиции на нее был оформлен протокол об административном правонарушении по ч. 5 ст. 20.2, однако в итоге сотрудники полиции сообщили журналистке, что «последствий не будет». Информации о том, был ли направлен протокол в суд, нет.

Многие задержанные заявляли, что вообще не собирались участвовать в протестной акции и даже не знали о ней. Это свидетельствует о том, что у полиции не было возможности или желания отличать протестующих от других прохожих, не говоря уже о том, чтобы искать среди них отдельных людей, представляющих угрозу общественному порядку ([см. приложение](#)).

«Вышла с кофе и булочкой и села на скамейку (колонна омона на тот момент уже ушла дальше). На ту же скамейку практически одновременно со мной село еще несколько ребят (некоторые из них тоже с напитками из кафе). Практически сразу же к скамейке подошли омоновцы и не представившись и не сообщив, за что нас задерживают (я и остальные мирно сидели, ничего не кричали и не скандировали) увели меня и остальных в автозак», — рассказала ОВД-Инфо одна из задержанных 3 августа.

Задержания проходили с применением силы

По информации, поступившей на горячую линию ОВД-Инфо, при задержаниях 10 августа пострадали не менее 6 задержанных, 3 августа — не менее 26 (как минимум, трое несовершеннолетних), 27 июля — не менее 36 человек (как минимум, трое несовершеннолетних). [См. приложение.](#)

«При задержании меня сбили с ног двое здоровых полицейских, сам я невысокого роста. После поставили к стене и начали бить по почкам с насмешками и вопросами: „Нравится по митингам ходить? А получать нравится?“ Я крикнул: „Зачем вы меня бьете?“, после чего сзади меня начала вести видеосъемку девушка. Тогда сотрудник остановился» (рассказал задержанный 27 июля).

«Меня сотрудник ударил. При отгрузке в автозак. Я не оказывал сопротивления, просто висел. Ему было тяжело и он разозлился» (27 июля).

«Задержали у Трубной 10, д. 2 во время выгула собаки. Трое в масках начали крутить, сильно били по почкам. Хотели забрать собаку, в итоге дали оставить на руках. Требуется скорая» (3 августа, из сообщений на горячую линию ОВД-Инфо).

«Гулял с отцом по центру. Сопротивления при задержании сотрудникам не оказывал. Был неправоммерно избит» (рассказал задержанный 3 августа).

Нарушение процедуры задержания и анонимность задерживаемых

Задерживаемые не представлялись и не называли причину задержания ([см. приложение](#)).

«Те, кто скручивал, и те, кто доставлял до отделения, ничего не объясняли (основания, и т. д.). Их имен, званий и прочих деталей не знаю» (со слов задержанного 3 августа).

Несмотря на то, что закон «О полиции» требует от полицейских обязательного ношения жетонов с идентификационным номером, на практике этот жетон часто **скрывают** под обмундированием или не носят вовсе, так что их невозможно идентифицировать. Более того, на акциях 27 июля, 3 и 10 августа полицейские вышли в балаклавах, закрывающих лицо.

Подобная практика надежно защищает сотрудников полиции от возможных исков со стороны граждан, пострадавших при задержании. В качестве примера

приведем случай с полицейским или росгвардейцем, ударившим девушку в живот. На [видео](#), получившим широкое распространение в СМИ и в интернете, девушку бьет сотрудник в форме. Несмотря на попытки [деанонимизировать](#) этого человека, Росгвардия [заявила](#), что к ней он не имеет отношения, а МВД — что «[проводит служебную проверку](#)». Иными словами, оба ведомства не могут ответить на вопрос, что за человек в форме избил девушку в центре Москвы, или имеют возможность легко уклониться от ответа.

Нарушения в автозаках и отделах полиции

Жестокие условия и продолжительность задержания

Задержанные сталкивались с тяжелыми условиями в полицейском транспорте. В автозаках не хватало сидячих мест и кому-то приходилось ехать стоя (как минимум в пяти автозаках 27 июля и в пяти автозаках 3 августа). Задержанные жаловались на жару и духоту (как минимум в пяти автозаках 27 июля, что усугублялось жаркой погодой в Москве в тот день, и в трех автозаках 3 августа).

[Свидетельства задержанных 10 августа на Китай-городе](#) (позже их доставили в ОВД Котловка):

«На просьбу Тимура открыть окно — отказали, объяснив, что они будут кричать в окно. От духоты людям становилось плохо, воды не было. И только когда люди практически падали в обморок, кинули две бутылки воды на всех».

«Когда посадили в автозак, то отобрали все вещи. Куда везут — не сказали. В автозаке было много людей, душно, воду не давали. Окна не разрешали открывать. Какой-то девушке там стало плохо. В ОВД мы приехали поздно, в часов 9 вечера».

В некоторых отделах полиции задержанным не давали еды или воды или предлагали пить воду из-под крана (см. приложение). Далеко не всегда задержанным передавали еду, лекарства и другие вещи. 27 июля еду и воду не принимали в девяти отделах.

Тяжелые условия в автозаке (недостаток мест, жара, духота, отсутствие воды, еды или лекарств, невозможность выйти в туалет) отягощались тем, что людей могли удерживать в автозаках часами: их возили по городу или привозили к отделу полиции, не выпуская из автозака. 27 июля, 3 и 10 августа на доставку задержанных в ОВД иногда уходило более четырех часов (см. приложение).

По закону, срок задержания не должен превышать трех часов. Только в исключительных случаях, если по вменяемой задержанному статье возможно наказание в виде административного ареста или когда необходимо установить личность задержанного, максимальный срок составляет 48 часов. Однако начало этого срока исчисляется не с момента задержания, а с момента доставления и регистрации в отделе полиции. Что касается сроков доставления, то закон требует только, чтобы оно было «осуществлено в возможно короткий срок».

Но и после доставления в отделы полиции задержанных не всегда сразу регистрируют в книге учета лиц, доставленных в дежурную часть (см. приложение). Во многих ОВД задержанные оставались значительно

дольше установленных законом трех часов — даже если протоколы составлялись по пятой части статьи 20.2 КоАП, которая не предполагает ареста. 27 июля дольше трех часов людей задерживали как минимум в 11 отделах полиции. Особенно продолжительные задержания, на срок более 10 часов, были зафиксированы 3 августа, когда почти во всех отделах проводились допросы и собирались материалы по уголовному делу, возбужденному в связи с событиями 27 июля (см. приложение). Нередко задержанных отпускали из ОВД уже поздней ночью, когда не работает общественный транспорт.

Недопуск адвокатов

Зафиксировано множество случаев нарушения права задержанных на защиту. Прежде всего, это выражалось в массовом недопуске в отделы полиции защитников и адвокатов. По данным ОВД-Инфо, к задержанным не пускали юристов 27 июля, как минимум в семи отделах полиции, 3 августа — также в семи, 10 августа — как минимум в трех (см. приложение).

6 августа Совет Адвокатской палаты города Москвы направил в МВД, Генпрокуратуру и Следственный комитет обращение с требованием провести расследование по фактам воспрепятствования адвокатской деятельности и нарушения конституционного права на защиту в отношении задержанных 27 июля и 3 августа.

«По имеющейся информации, в 12 отделах полиции к задержанным длительное время, от 2 до 6 часов, не допускали адвокатов, а двух так и не допустили, несмотря на наличие удостоверений и ордеров на защиту. По меньшей мере в двух отделах полиции оказанию юридической помощи задержанным препятствовали сотрудники СК, которые допрашивали задержанных и отбирали образцы для экспертиз без адвокатов», — говорится в документе.

По словам задержанных и доставленных в ОВД Котловка 10 августа, полиция предлагала общаться им с неизвестными людьми, которые представлялись юристами правозащитной организации «Агора».

«Когда нас привели в помещение, мы сначала не поняли, кто это, — рассказывает одна из задержанных. — Нас участливо спрашивали, что случилось, они играли роль таких добрых полицейских, зачем-то сфотографировали все мои татуировки, спросили о моем гражданском супруге Николае и записали все данные. Они выдавали себя за сотрудников „Агоры“, но я предполагаю, что они совершенно из других структур».

Изъятие телефонов

Недопуск адвокатов в ОВД тем более ощутим, если учитывать, что далеко не всегда у задержанных была возможность проконсультироваться с юристами по телефону (см. приложение). Телефоны забирали в отделах полиции, а иногда сразу же в автозаке, хотя для этого нет никаких законных оснований. Иногда телефоны не забирали, но запрещали по ним разговаривать. Наконец, к вечеру, когда правовая помощь была особенно важна, поскольку начиналось оформление протоколов и решался вопрос, оставят ли задержанного в отделе на ночь, у многих телефоны были уже разряжены.

Александр Кукин, задержанный 27 июля:

«Меня отнесли к автозаку, обыскали, телефон сказали убрать в сумку. Наши вещи в автозаке ехали отдельно от нас, поэтому мы сразу не могли связаться с ОВД-Инфо и даже в отделении [«Филевский парк“] вещи начали отдавать спустя пару-тройку часов».

Адвокат Мария Эйсмонт про задержания 10 августа:

«Я не могла дозвониться до задержанных, которых повезли в ОВД „Соколиная гора“: сразу после задержания их телефоны не отвечали. Отдельная история была со входом в ОВД, мне пришлось поднимать кипиш. Когда я попала в ОВД, мне рассказали, что телефоны вместе с личными вещами у всех отняли [силовики], сопровождавшие в автозаке».

С массовым изъятием телефоном и недопуском адвокатов столкнулись задержанные 3 августа ([см. приложение](#)), когда почти во все отделы полиции приезжали сотрудники СК и правовая помощь была крайне необходима:

В 20:40 сотрудники полиции вывели меня и других задержанных из ОВД «Богородское», посадили в газель с надписью «полиция» и без объяснения повезли в неизвестном направлении. Как выяснилось позднее, я был доставлен в Преображенский межрайонный следственный отдел следственного управления по Восточному административному округу г. Москвы Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации (3 августа, Богородское).

«Растерялся перед следователем. О том, что можно было отвечать 51 статьей, узнал на следующий день» (3 августа, Хорошевский).

«Из ОВД отпустили в первом часу ночи. Полицейские говорили, что больше не задерживают, при этом из здания не выпускали до тех пор, пока не состоялась беседа со следователем» (3 августа, Северное Бутово).

В этот день многим задержанным так и не вернули телефоны, что стало причиной дополнительных сложностей: доехать ночью до дома, получить уведомление о суде по смс, получить копии протокола (многие снимали на телефон документы, которые оформляли в ОВД), связаться с защитником перед судом, — все это без телефона становится значительно труднее ([см. приложение](#)).

«Меня отпустили в 2 часа ночи без денег, телефона и какого-либо понятия, в какую сторону мне идти, чтобы добраться до дома» (3 августа, Гагаринский).

Фотографирование, дактилоскопия, взятие биоматериалов

На горячую линию ОВД-Инфо поступали многочисленные сообщения о том, что задержанных в разных ОВД фотографируют или у них берут отпечатки пальцев. В некоторых случаях задержанные благополучно отказывались от этих процедур — по закону, полиция имеет право проводить их в отношении задержанных по административным правонарушениям, только если

иначе невозможно установить их личность. Однако на горячую линию ОВД-Инфо поступали сообщения о том, что отпечатки пальцев снимали не у отдельных задержанных, а у всех, кто был в отделении. В условиях нарушения права на защиту и изъятия телефонов многие задержанные могли не знать о возможности отказаться от фотографирования и снятия отпечатков пальцев.

В некоторых случаях задержанным, которые пытались отказаться от процедуры, начинали угрожать или проводили процедуру силой или хитростью (см. [приложение](#)). Принуждение к дактилоскопии было зафиксировано 3 августа как минимум в четырех отделах, к фотографированию — как минимум в шести. 27 июля принудительно снимали отпечатки пальцев как минимум в одном отделе.

«Задержанных пугают, что на них оформят 20.2 ч. 6.1, и пугают, что в случае если они откажутся от фотографирования и дактилоскопирования, то их оставят на 48 часов» (27 июля, Троицкий);

«Угрожали оставить на 48 часов за то, что он отказался давать отпечатки пальцев, ему сказали, что это нужно для идентификации личности, хотя его уже нашли в базе данных по номеру паспорта» (3 августа, Южное Медведково);

«Обещают отрубить пальцы, если не сделают дактилоскопию» (3 августа, Люблино);

«На выходе из кабинета Следственного Комитета его насильно заставили фотографироваться, держали руками лицо, шею, немного душили и угрожали уголовным делом» (3 августа, Южное Медведково).

Помимо дактилоскопии и фотографирования, многие задержанные 3 августа столкнулись с требованием сдать биоматериал для анализа ДНК в связи с расследованием уголовного дела по статье о массовых беспорядках ([см. приложение](#)).

Давление и угрозы

Задержанные нередко сталкивались с давлением и угрозами — когда от них требовали подписывать документы, фотографироваться или сдавать отпечатки пальцев, угрожая в противном случае применить силу, оставить в ОВД на 48 часов, возбудить уголовное дело ([см. приложение](#)).

«В ОВД несовершеннолетнему говорят, что если за ними не приедут родители, то их отправят в колонию временного содержания» (3 августа, Южное Чертаново).

«Дали личные данные сотруднику, он заполнил какие-то карточки, вёл себя нагло, пообещал пробить меня по базе, чтобы меня выкинули из вуза за то, что я отказался называть вуз и факультет» (10 августа, Академический).

Проблемы при оформлении документов

В ОВД задержанные также сталкивались с давлением, целью которого было заставить их подписать нужные полиции документы — например, протоколы или «документы о том, что при задержании не было правонарушений» (см. приложение). Из одного отдела полиции задержанные сообщили, что их заставляли подписывать документы, применяя силу:

«Забирали людей для составления, вернувшийся сказал, что сотрудники били и заставляли что-то подписывать. В книгу ничего не заведено» (27 июля, Красносельский).

«Никто не представлялся почти. 4 часа не пускали ко мне юриста. В грубой форме отняли (выхватили) телефон и паспорт. Отношение было скотское. Сначала повел на 4 этаж <...> и заставил подписать объяснение (где я написала, что без адвоката отказываюсь отвечать), потом просили его переписать еще с доп статьями, якобы для моей защиты ст. 52 и др. ст. Если возмущалась — сразу сыпались угрозы закрыть. Позвонить ни разу не давали. Потом повели в кабинет <...> со следователями СК.<...>, которые откровенно издевались: позвонить не дали и ждать адвоката запретили и сразу стали составлять протокол, сказали — пока не скажу статьи, по которой они должны предоставить мне адвоката и телефонный звонок. Сразу вызвали понятых, чтобы они подписали, что я отказалась давать показания без адвоката. Протокол СК — не дали (сказали — раз не подписала, не имею права)» (3 августа, Замоскворечье)

Также не все задержанные смогли получить на руки копии протоколов (см. приложение).

Некоторым уже после оформления протокола меняли статью. 27 июля из двух отделов полиции задержанные сообщили, что после некоей «команды» им меняли статью 20.2 ч. 5 (не предполагающую ареста) на арестную 20.2 ч. 6.1 (см. приложение):

«После оформления протокола в ОВД Раменки по ч. 5 20.2 о задержании поступило распоряжение переквалификации на ч. 6.1 20.2» (27 июля, Раменки).

«На сайте Мосгорсуда по моему делу указана статья 20.2 ч. 8, хотя в протоколе 20.2 ч.5. Ранее по этой статье не привлекался» (3 августа, Теплый стан).

Очень часто задержанные сообщали о недостоверной информации в протоколах об административных нарушениях: протоколы составлялись «под копирку» — по одному шаблону для всего отдела полиции, в них неверно указаны адреса задержания, действия задержанных.

«Кому успели начать оформлять протоколы в течение трех часов после задержания, писали статью 20.2, часть 5 [КоАП, нарушение установленного порядка проведения акций]. По прошествии трех часов начали писать часть 6.1 (нарушение порядка проведения акции, сопряженное с перекрытием транспортных путей; в отличие от части 5, предполагает возможность административного ареста — ОВД-Инфо).

Соответственно, [тех, кого начали оформлять позже] оставили [ночевать в полиции] и развозили в ОВД, где были свободные места в камерах» (27 июля, Филевский парк).

«В протоколе написано „кричал лозунги“ да ещё и „в составе группы граждан численностью 5000 человек“. Видео показывает что я ничего не кричал, и на улице не было и 30 человек» (3 августа, Москворечье-Сабурово).

«Мне инкриминируется хлопанье в ладоши, выкрики, активная жестикуляция и привлечение внимание прессы в период с 14:00 до 15:30. Но по фотографиям видно, что в 4 часа я был еще не в автозаке. На видео видно, что я ничего не выкрикивал и никаким образом не привлекал внимание. <...> у меня есть также чек из „Братьев Караваевых“, что еще примерно в 14:30 я был в них и не мог присутствовать там, где написано в рапорте» (3 августа, Кунцево).

В некоторых случаях задержанных долго держали в отделе полиции и в итоге выпускали без составления протоколов,

требуя прийти для оформления через несколько дней ([см. приложение](#)):

«Насколько я знаю, протоколы об административном правонарушении будут составляться сотрудниками полиции ОВД „Богородское“ 6 и 7 августа» (3 августа, Богородское).

«Продержали в ОВД 9 часов, даже не составив протокол. Будет 20.2 ч. 5 с огромной вероятностью. Суд 23-го августа, в 10:20. 14-го выпишут протокол» (10 августа, Гольяново).

По закону, протокол по статье 20.2 КоАП должен быть составлен немедленно после выявления правонарушения. Самое позднее — в течение двух суток, если необходимо дополнительное выяснение обстоятельств дела или данных о задержанном (то есть 5 августа для тех, кто был задержан 3 августа, и 12 августа для задержанных 10-го).

Задержание несовершеннолетних

По информации, поступившей на горячую линию ОВД-Инфо, среди задержанных в Москве 10 августа был по меньшей мере 31 несовершеннолетний (как минимум один пострадал в результате задержания), 3 августа — 116 несовершеннолетних (среди них не менее трех пострадали при задержании), 27 июля — 63 несовершеннолетних (как минимум трое пострадали при задержании).

Несовершеннолетние сталкиваются с теми же проблемами, что и другие задержанные: немотивированные задержания, применение силы,

недопуск адвокатов, принуждение к дактилоскопии, фотографированию, сдаче анализов на ДНК, к подписанию документов (см. приложение).

Кроме того, у них возникают дополнительные сложности. Прежде всего, с тем, чтобы выйти из ОВД — выпустить их могут только после приезда родителей, которые не всегда могут приехать в тот же день (см. приложение). Известны случаи, когда приехавших в ОВД родителей не пускали (3 августа — Фили-Давыдково, 10 августа — Академический).

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СУДЫ НАД ЗАДЕРЖАННЫМИ

О статье 20.2 КоАП

Основной инструмент преследования участников и организаторов протестных акций — статья 20.2 (нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования) кодекса об административных правонарушениях.

За 15 лет с начала 2004 по конец 2018 года российские суды **рассмотрели** 49 274 дела по этой статье и признали 30 159 человек виновными в нарушении правил проведения публичных мероприятий. Штрафы составили в общей сложности 160 912 688 рублей.

В 2018 году в Москве в 79% случаев было вынесено обвинительное постановление (76% по всей России), 18% дел было возвращено в полицию, 2% передано на рассмотрение в другие суды, а прекращено — 0% (7% по всей России). Если не учитывать возвращенные и переданные дела, то доля дел, по которым было вынесено обвинительное постановление, составила 100%, а доля прекращенных дел — 0%.

По статье 20.2 КоАП с начала массовых задержаний 27 июля в 34 районных суда Москвы поступило **2320** дел. Из них **1797** дел **по пятой части** (нарушение участником установленного порядка проведения публичного мероприятия, штраф от 10 до 20 тысяч рублей), **432** дела **по части 6.1** (участие в несогласованном мероприятии, повлекшим создание помех движению транспорта, штраф от 10 до 20 тысяч рублей или до 15 суток ареста), **37** дел **по восьмой части** (повторное нарушения порядка проведения публичного мероприятия, штраф от 150 до 300 тысяч рублей или до 30 суток ареста), **20** дел **по второй части** (организация или проведение публичного мероприятия без подачи уведомления, штраф от 20 до 30 тысяч рублей или до 10 суток ареста).

Нарушения в судах

Нарушения права на защиту задержанных по арестным статьям

В целом процедура и законодательство устроены таким образом, что если нет людей, которые заинтересованы в защите задержанного, следят за тем, куда его доставят, и затем помогают, то у задержанного нет возможности защититься.

У задержанных по арестным статьям (части 2, 6.1 и 8 ст 20.2 КоАП), как правило, отбирают телефоны и держат до двух суток в отделах полиции, откуда потом везут в суд. У них нет физической возможности договориться о представлении своих интересов в суде и реализовать таким образом свое право на защитника. Часто им даже не дают позвонить родственникам, чтобы предупредить о задержании. Сами же они после 48 часов в заключении не в состоянии ознакомиться с материалами дела и эффективно вести собственную защиту.

Время суда часто неизвестно, все зависит от того, когда задержанного привезут из ОВД. Близкие, защитники

и свидетели защиты вынуждены проводить в суде весь день, чтобы не пропустить процесс. В тех случаях, когда 48 часов задержания истекают, пока задержанный находится в здании суда, его, как правило, не освобождают.

По свидетельствам юристов, отбывающие арест в спецприемнике сталкивались с тем, что некоторые жалобы не были рассмотрены в течение суток, как этого требует КоАП. У некоторых арестованных жалобы изымались в спецприемниках вместе с вещами.

Отсутствие стороны обвинения

Обвинение базируется в основном на показаниях одного или двух сотрудников полиции. Не всегда именно эти люди задерживали участников акции. Скорее всего, они просто заполняли документы — протоколы о задержании и о доставлении, рапорты. Эти документы составляются «под копирку» и могут не совпадать с фактическими обстоятельствами задержания. Единственная возможность устранить эти противоречия — допросить сотрудника полиции. Однако зачастую полицейские не приходят в суд, а судьи, как правило, отклоняют ходатайства об их вызове, лишая защиту возможности допросить ключевых свидетелей обвинения. Таким образом, в таких процессах отсутствует состязательность: участники находятся один на один с судьей, который, по сути, представляет сторону обвинения. В тех редких случаях, когда полицейские приходят на заседания, они зачитывают то, что написано в протоколе о задержании. На все остальные вопросы отвечают: «Не помню». В случаях, когда полицейские путаются и противоречат друг другу, судьи задают наводящие вопросы и подсказывают, как надо ответить.

Отказы в вызове свидетелей защиты

Как правило, суд отказывает в вызове свидетелей защиты или не принимает во внимание их показания. Свидетелей отказываются вызывать даже если эти люди находятся в этот момент в здании суда. В тех случаях, когда их все же вызывают и допрашивают, суд указывает, что критически относится к их показаниям, поскольку они противоречат материалам дела.

Отказы в приобщении материалов дела

Судьи отказываются приобщать материалы дела, которые собирают задержанные. Например, задержанный собрал фото- и видеодоказательства, на которых видно, что его задерживают не в том месте и не в то время, которые обозначены в протоколе о задержании и правонарушении. В такой ситуации судьи, как правило, ссылаются на отсутствие технической возможности просмотра фотографий и видео, заявляют, что эти материалы могут быть смонтированы или отказываются приобщать материалы к делу.

Иногда материалы все же приобщают к делу, но в постановлении судья пишет, что критически относится к доказательствам стороны защиты, потому что они противоречат материалам дела.

Невозможность предоставить доказательства защиты

Часто во время заседаний суда подсудимым не дают предоставить свои доказательства. Судья сразу после начала процесса спрашивает у «правонарушителя», признает ли он себя виновным, а затем удаляется для вынесения решения по делу. При этом подсудимому не предлагают приложить свои объяснения и заявить какие-то ходатайства, лишая его таким образом права на справедливый суд.

Непроведение заседаний суда

В некоторых случаях заседания суда фактически не проводятся. Задержанный с защитником могут ждать суда часами у двери судебного заседания, чтобы услышать от судьи или его помощника: «Мы вас вызывали, а вы просто не услышали». Таким образом, иногда судьи выписывают постановления, нарушая права на участие в процессе лица, в отношении которого ведется производство.

Искажение слов участников процесса

Во время заседаний суда не ведутся протоколы, часто судьи творчески трансформируют слова участников процесса. К примеру, судья спрашивает: «Вы участвовали в акции?». Подсудимый отвечает, что да, действительно участвовал. Затем судья: «Вину признаете?». Он отвечает: «Нет, не признаю». В постановлении это трансформируется в утверждение: «Вину признал частично, потому что не отрицал участия в акции». Подобные трактовки создают проблемы в судах ЕСПЧ, потому что приходится писать большие пояснения о том, что человек не признал своей вины и участвовал в мирной акции.

Отсутствие беспристрастности у судей

Иногда судьи отчитывают подсудимых в том, что они совершили плохой поступок, придя на акцию, или, наоборот, стыдят подсудимых, которые говорят, что проходили мимо. Таким образом судьи проявляют личную заинтересованность в исходе дела.

Изменение подсудности

Задержанных судят в судах, которые территориально не имеют отношения к месту задержания. 26 июня 2018 года Верховный Суд РФ **утвердил**, что в случаях массовых публичных мероприятий выявление нарушений происходит не в тот момент, когда человека задерживают,

а в тот, когда его доставили в отдел полиции и составили на него протокол. Однако полицейский должен понимать еще при задержании, за что именно он задерживает человека и почему его нужно доставить в ОВД.

На практике полицейские пользуются этим решением Верховного суда, чтобы по прошествии трех часов оформлять протоколы по арестным статьям.

Таким образом, все законно и обоснованно — правонарушение выявили не на месте задержания, а уже в отделении полиции. Поэтому административное дело попадает в юрисдикцию того суда, к которому территориально относится ОВД. В Москве это постановление Верховного Суда начали использовать на акции 12 июня. Продолжили применять и на акциях 27 июля, 3 и 10 августа.

Как следствие изменения подсудности возникают «рабочие группы» полицейских и судей — для ускорения судебных процессов. Полицейский как представитель исполнительной власти может определить, какой суд будет судить задержанного, посадив его в тот или иной автозак и вмешиваясь таким образом в деятельность органа судебной власти. Дела из этих ОВД постоянно рассматриваются в одном и том же суде. Одни и те же полицейские участвуют в составлении протоколов, одни и те же судьи рассматривают дела задержанных.

Перекрытие Садового кольца: универсальное видеодоказательство, с которым подсудимым не давали ознакомиться

В материалах административных дел по 27 июля были диски, с которыми не давали ознакомливаться во время заседаний суда, ссылаясь на отсутствие технической возможности. На этих видеозаписях примерно сто человек переходят Садовое кольцо. Этот диск фигурирует в делах всех обвиняемых по ч 6.1 20.2, даже если человека задержали в другом месте. Верховный суд разъяснил что

часть 6.1 может вменяться только в том случае, если доказана причинно-следственная связь между действиями конкретного человека и нарушением транспортной или пешеходной инфраструктуры. Суды формируют материалы дела таким образом, что переход протестующих через Садовое кольцо доказывает причинно-следственную связь, даже если они были задержаны в другом месте.

Задержание на 48 часов женщин, имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет

На одной из крупных акций была задержана на 48 часов мать четырехлетнего ребенка. В суде ей назначили штраф и отпустили. КоАП предусматривает освобождение от административного ареста беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет, а также лиц, не достигших возраста восемнадцати лет и инвалидов I и II групп. Однако для административного задержания подобная норма отсутствует. В реальности в отделах полиции нет условий для содержания беременных женщин и женщин с детьми, а случаи разлучения матери с ребенком без судебного решения не соответствуют Конвенции ООН о правах ребенка.

Выход за пределы полномочий судебных приставов

Участились случаи, когда задержанным назначают штраф и сразу же после этого они получают от судебных приставов уведомление о необходимости оплаты штрафа. Эти уведомления высылаются тогда, когда постановление суда еще не вступило в силу и человек может подать апелляцию.

Типовые протоколы

Протоколы, как и ранее, составляют «под копирку» повторяя даже орфографические ошибки. В отдельных случаях попадаются протоколы, которые использовались

в 2017 году после акции «Он нам не Царь» — с измененной датой. В рапортах сотрудников полиции говорилось, что задержанный выкрикивал Лозунги: «Дима, откуда деньги на Тоскану!». Если раньше встречались протоколы с прочерком — куда от руки можно было внести имя, то теперь в судах начали использовать протоколы о задержании группы людей вместе со списком имен. Все это необходимо для оптимизации судебного процесса. То есть эти рапорты просто печаются и вкладываются в материалы дела ко всей группе задержанных (см. приложение).

Отбывание административного ареста

Задержанные 27 июля были отправлены отбывать арест не только в Москве, но и в спецприемниках Московской области в Луховицах, Истре, Люберцах, Чехове, Можайске, Мытищах, Сергиев Посаде и Электростали. Таким образом, родственники задержанных были вынуждены ехать с передачами на расстояния до 135 километров от Москвы, а самих задержанных вновь лишили возможности найти защиту во время визитов в спецприемники силовых структур.

В нескольких спецприемниках задержанные **сообщали** о подселении в камеры бывших заключенных, которые оказывали давление на арестованных.

28 июля из московского спецприемника № 1 был госпитализирован Алексей Навальный, отбывающий 30 дневный арест. Посетившие Навального врачи **написали**, что «клинические жалобы и симптомы соответствуют острому токсическому керато-конъюнктивиту и дерматиту, и общей интоксикации», что это «результат повреждающего действия неопределенных химических веществ». 29 июля Навального выписали из больницы, откуда он подал заявление в СК о совершенном в отношении него преступлении.

Административные дела в отношении незарегистрированных кандидатов в МГД

С 27 июля начинается серия административных арестов в отношении многих незарегистрированных кандидатов в Мосгордуму. На задержанных кандидатов составляли протоколы по арестным частям статьи 20.2 КоАП, затем суды выносили наказание в виде административного ареста. После отбывания ареста кандидатов вновь задерживали на выходе из спецприемников, везли в суд для рассмотрения другого административного правонарушения, после чего вновь отправляли отбывать арест в спецприемники.

Так Илья Яшин получил пять арестов подряд всего на 50 дней. Константин Янкаускас получил три ареста подряд на 26 суток и штраф в 20 тысяч рублей. Юлия Галямина получила три ареста подряд на 25 суток. Иван Жданов получил два ареста подряд на 25 суток. Дмитрий Гудков получил два ареста подряд на 40 суток. Владимир Милов и Вадим Коровин получили по 30 и 10 суток ареста в результате одного суда. Любовь Соболь получила 600 тысяч рублей штрафа по результатам двух судов. Таким же образом получил два ареста на 23 суток и 300 тысяч рублей штрафа координатор московского штаба Навального Олег Степанов. Илью Яшина и Константина Янкаускаса осудили два раза по одному эпизоду (участие в «организации» встречи с независимыми кандидатами 14 июля), что запрещено и Кодексом об административных правонарушениях, и Конституцией РФ.

В результате, из-за большого количества обвинительных решений многим кандидатам в случае последующих задержаний грозит возможность возбуждения уголовного дела о неоднократном нарушении установленного порядка проведения акций.

Комиссии по делам несовершеннолетних

В соответствии с российским законодательством лица, не достигшие возраста 16 лет, не могут привлекаться к административной ответственности, а с детьми до 16 может проводиться лишь «индивидуальная профилактическая работа».

Дела несовершеннолетних от 16 лет рассматриваются специальными комиссиями по делам несовершеннолетних (КДН). В Москве такие дела рассматриваются КДНами, образованными при районных управах. Как и в суде, рассмотрение административного дела в КДН регулируется КоАП и в целом осуществляется по той же процедуре. Ключевое отличие — рассмотрение дела происходит коллегиально: в составе комиссии должно быть от 3 до 12 членов. Как и совершеннолетние в суде, несовершеннолетние вправе иметь защитника, знакомиться со всеми материалами дела об административном правонарушении, давать объяснения, заявлять ходатайства и т. п. Его законные представители также вправе давать объяснения. Если обсуждение каких-нибудь обстоятельств дела несовершеннолетнего «может оказать на него отрицательное влияние», его могут удалить из зала суда, где рассматривается дело.

Несовершеннолетнего ни при каких условиях нельзя подвергнуть административному аресту. КДН может освободить его от административной ответственности с применением «меры воздействия, предусмотренной федеральным законодательством о защите прав несовершеннолетних». Единственный федеральный закон, содержащий перечень «принудительных мер воспитательного воздействия» — это Уголовный кодекс. В соответствии с ним, существуют следующие меры воспитательного воздействия: предупреждение (разъяснение вреда), передача под надзор (возложение

на опекунов обязанности по «воспитательному воздействию на несовершеннолетнего»), обязанность «загладить причиненный вред», ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (запрет посещения определенных мест, ограничение пребывания вне дома).

В отличие от административных судов над совершеннолетними, последствия работы комиссий могут длиться дольше. На основании постановления КДН может проводиться «индивидуальная профилактическая работа». Эту «работу» проводят подразделения полиции по делам несовершеннолетних. На практике такая «работа», как правило, выражается в периодических «профилактических беседах», проводимых сотрудниками полиции. Сроки проведения такой «работы» определены очень туманно: «индивидуальная профилактическая работа проводится в сроки, необходимые для оказания социальной и иной помощи несовершеннолетним, или до устранения причин и условий, способствовавших безнадзорности, беспризорности, правонарушениям или антиобщественным действиям несовершеннолетних, или достижения ими возраста восемнадцати лет».

УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА

Дело о воспрепятствовании деятельности избирательной комиссии

24 июля управление следственного комитета **возбудило** уголовное дело о воспрепятствовании деятельности избирательной комиссии в группе лиц с применением насилия либо его угрозой (**пп. «а, в» ч. 2 ст. 141 УК**) из-за акции в поддержку независимых кандидатов 14 июля.

Дела по этой статье возбуждаются крайне редко. С 2009 года к уголовной ответственности **были**

привлечены 49 человек, в основном за «карусели», подкуп избирателей, а также чиновники, которые дают на местные избирательные комиссии.

По версии СК, «участники одного из движений... организовали проведение на территории города Москвы заведомо незаконных и несогласованных митингов и пикетирований зданий и помещений Мосгоризбиркома». Согласно заявлению СК, целью было оказать давление на членов Мосгоризбиркома и окружных избирательных комиссий, а также воспрепятствовать их законной деятельности. В документе также упомянуто, что «действия указанных лиц были сопряжены с угрозами применения насилия в отношении членов избирательных комиссий».

Вечером 24 июля были проведены обыски у незарегистрированных кандидатов Дмитрия Гудкова и Ивана Жданова. После обыска, в ходе которого ничего не изъяли, Жданова повезли на допрос в Следственный комитет. Силовики также пришли с обысками к Александру Соловьёву и муниципальному депутату Николаю Баландину. Дмитрия и Геннадия Гудковых, Любовь Соболю, Елену Русакову и Юлию Галямину вызвали на допрос.

Вечером 26 июля прошли обыски в штабах Любви Соболю, Ивана Жданова, Ильи Яшина, Дмитрия Гудкова и Юлии Галяминой. Обыски, в том числе ночные, прошли в квартирах родителей и бабушки Константина Янкаускаса, по адресу прописки зарегистрированного кандидата Клочкова, зарегистрированного кандидата Дарьи Бесединой, начальника штаба Геннадия Гудкова Эльвиры Вихаревой, муниципального депутата Вадима Коровина, у Ильи Яшина. После обыска, который закончился в час ночи, Яшина посадили в автозак и в сопровождении спецназа МВД доставили в отдел полиции в Троицке.

Утром 27 июля прошли обыски у Юлии Галяминой, пресс-секретаря Навального Киры Ярмыш и сотрудника ФБК Руслана Шаведдинова.

26 июля агентство «РБК» **сообщило**, ссылаясь на «близкий к спецслужбе источник», что к возбужденному СК делу подключилась Служба по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ.

Обвиняемым по данной статье грозит до пяти лет лишения свободы, однако по состоянию на конец августа все люди, у которых были обыски и которых вызывали на допросы, находятся в статусе свидетелей. Ни одного подозреваемого в деле пока нет.

Московское дело

«Массовые беспорядки» и применение не опасного для жизни и здоровья насилия в отношении представителей власти 27 июля в Москве

30 июля Следственный комитет **объявил** о возбуждении уголовных дел по признакам «массовых беспорядков» (ч. 1, 2, 3 ст. 212 УК) и применения насилия в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318). В тот же день дела были **объединены** в одно производство.

В сообщении СК говорится, что «группа лиц накануне проведения несанкционированной акции неоднократно размещала в сети Интернет призывы принять в ней участие, заведомо допуская, что данные действия могут спровоцировать массовые беспорядки.

В результате этого 27 июля 2019 года участники несогласованной акции, находясь в центре Москвы, игнорируя законные требования представителей власти, грубо нарушая общественный порядок, применили насилие в отношении представителей власти, прорвали оцепление и, выйдя на проезжую часть, парализовали

движение автотранспорта на Садовом кольце в городе Москве, а также совершили иные противоправные действия».

На данный момент в деле 14 обвиняемых, все задержанные находятся в следственных изоляторах, почти все не признают вину в инкриминируемых преступлениях. Некоторые дела впоследствии выделены в отдельные производства.

По **словам** издания «Медиазона», в следственной группе по делу о массовых беспорядках работают 84 следователя, часть из которых вели «Болотное дело». 14 августа один из адвокатов **сообщил**, что следственную группу возглавляет генерал-майор юстиции Руслан Габдуллин, курировавший следствие по «Болотному делу».

Обвинения в массовых беспорядках

По версии следствия, Егор Жуков (21 год, студент), Владислав Барабанов (22 года, активист), Сергей Фомин (36 лет, волонтер предвыборного штаба Любви Соболь) «направляли действия других лиц». Самариддин Раджабов (21 год, музыкант), Сергей Абаничев (25 лет, менеджер), Айдар Губайдулин (25 лет, программист), Валерий Костенок (20 лет, студент), согласно следствию, кидали пластиковые бутылки или банки в полицейских. Костенок признался в том, что бросил в полицейских две пустых пластиковых бутылки объемом 0,5 и 0,3 л. У Даниила Конона (21 год, студент) и Алексея Миняйло (34 года, сотрудник штаба Любви Соболь) обвинение не конкретизировано. Миняйло утверждает, что весь день 27 июля находился в суде вместе с задержанной утром Любовью Соболь, а вечером его задержали на подходе к Трубной площади.

28 июля **стало известно** о задержании в Минске объявленного в розыск Никиты Чирцова.

По информации агентства «ТАСС» в розыск объявлен еще один человек — Илья Анохин.

Обвинения в применении не опасного для жизни и здоровья насилия в отношении представителей власти

Евгений Коваленко (48 лет, охранник) обвиняется в двух эпизодах применения насилия в отношении представителя власти. В ответ на массовое избиение дубинками сидящих у Лубянской площади москвичей он якобы толкнул полицейского, который избивал задержанного. Он же, во версии СК, бросил урну в сторону двоих силовиков, ведущих задержанного. Коваленко признал вину после задержания, но впоследствии **отказался** от нее.

Кирилл Жуков (28 лет) обвиняется в том, что пытался поднять забрало шлема росгвардейца. Данил Беглец (26 лет, индивидуальный предприниматель) обвиняется в том, что толкнул неустановленного сотрудника полиции или Росгвардии. На предварительном судебном заседании **признал** вину и попросил рассмотреть дело в особом порядке (без исследования и оценки доказательств). Иван Подкопаев (25 лет, техник) обвиняется в распылении перцового аэрозоля в сторону бойцов Росгвардии. По **утверждению** СК, признал вину в ходе предварительного следствия и его дело будет рассматриваться судом в особом порядке. 20 августа СК **заявил** о завершении следствия Беглеца, Жукова и Коваленко.

Обвинения в применение насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении представителей власти

Павел Устинов (24 года, актер) обвиняется в том, что во время задержания вывихнул руку сотруднику ОМОН. Сам Устинов утверждает, что «физически не мог причинить ущерб человеку, в три раза превосходящему» его по физической силе. «Я не участвовал в митинге

и не имел намерений причинять вред. Я стоял в стороне, в одной руке у меня был телефон, в другой наушники, меня заломили, начали бить специальными средствами, я не сопротивлялся ни разу».

Правозащитный центр «Мемориал», проанализировав видео, размещённое сестрой обвиняемого, пришёл к выводу о полной невинности Устинова: «Хорошо видно, что движения Устинова были рефлексивными и не имели признаков агрессии, тогда как задерживавшие его сотрудники ОМОН применили излишнюю в данной ситуации физическую силу и спецсредства».

Снятие обвинений с Дмитрия Васильева

9 августа следователи задержали 43-летнего телережиссера Дмитрия Васильева, страдающего инсулинозависимым диабетом. Васильева всю ночь допрашивали в СК после чего поместили в ИВС и, по словам адвоката, отобрали инсулин и глюкометр.

10 августа Васильев попал в реанимацию из-за повышенного сахара в крови, врачи оценивали его состояние здоровья как тяжелое. 11 августа на заседании суда следователь ходатайствовал о заключении Васильева под стражу в СИЗО. Судья отказалась рассматривать ходатайство без присутствия Васильева. 12 августа Васильев вернулся домой, но 13 августа его вновь госпитализировали из-за ухудшения здоровья.

19 августа с Васильева сняли подозрение в по делу о «массовых беспорядках». В настоящий момент он проходит по делу в статусе свидетеля.

Массовые обыски и допросы

Ночью 31 июля начались первые обыски и допросы, которые приобретут массовый характер. По информации агентства «ТАСС», в обысках принимали участие сотрудники Службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ России, сотрудники

Главного управления по противодействию экстремизму (ГУПЭ) МВД и Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Москве.

По данным ОВД-Инфо, сотрудники СК приезжали 3 августа как минимум в 37 отделов полиции, иногда задержанных увозили из ОВД в межрайонные отделы следственного комитета. В большинстве ОВД адвокатов не допускали к задержанным, пока следователи опрашивали их по делу о массовых беспорядках.

По информации проекта «Апология протеста», указание о недопуске адвокатов было выдано ГУ МВД Москвы и ГСУ СКР по Москве. Помимо массового изъятия телефонов (см. приложение) и забора образцов ДНК (см. приложение), по свидетельствам задержанных, в отдельных случаях следователи просматривали содержимое телефонов, а на допрос вызывали даже тех людей, которые не были на акции 27 июля. Многие задержанные получили повестки на допросы в качестве свидетелей. 7 августа следственный комитет **заявил** о том, что в качестве свидетелей было допрошено более 800 человек из числа задержанных 3 августа в административном порядке.

10 августа следователи снова приезжали к задержанным, но только в ОВД «Котловка», где опрашивали их по поводу участия в акциях 27 июля и 3 августа.

Обыски в «Правовой инициативе» и «Миротворческой миссии имени генерала Лебеда»

14 августа в офисное здание в Москве, где находится проект «Правовая инициатива», занимающийся подачей жалоб в ЕСПЧ, **пришли** с обысками сотрудники ФСБ и бойцы СОБР. Силовики отобрали у сотрудников организации телефоны, сфотографировали их паспорта и попытались открыть кабинет директора. Собственник помещения рассказал, что обыск проходит также

в соседнем офисе, который находится с ними на одном этаже и не относится к проекту.

Утром 16 августа полицейские пришли в офис «Правовой инициативы» в Назрани в рамках уголовного дела о «массовых беспорядках» в Москве. В распоряжении об обследовании помещений говорилось, что «в результате проведенных мероприятий по установлению лиц, причастных к массовым беспорядкам, имевшим место 27.07.19 и 03.08.2019 в г. Москве, установлено, что одним из организаторов несанкционированных протестных акций является неустановленная группа лиц, являющихся координаторами деятельности находящихся на территории СКФО автономных некоммерческих организаций и общественных объединений, получающих иностранное финансирование».

В распоряжении также говорится, что эта группа лиц «может быть причастна к организации несанкционированных протестных акций и митингов на территории Северокавказского региона, сопровождаемых массовыми беспорядками, а также, используя возможности некоммерческих организаций, за счет денежных средств, поступающих из-за рубежа, могут осуществлять финансирование вышеуказанных противоправных действий и экстремистской деятельности, с целью дестабилизации общественно-политической обстановки». Как полагают полицейские, в действиях «неустановленной группы лиц» возможно содержатся признаки составов преступления по статье 212 (массовые беспорядки), 282 (возбуждение ненависти либо вражды) и других.

В тот же день, по сообщению СПЧ, в Пятигорске в офисе Межрегиональной неполитической общественной организации «Миротворческая миссия имени генерала Лебедея» полицией было проведено «гласное оперативно-розыскное мероприятие с обследованием помещений,

в результате которого без указания причин были изъяты подлинники уставных и финансовых документов НКО». Основанием для оперативного мероприятия послужили те же события в Москве 27 июля и 3 августа.

Дело об отмывании миллиарда рублей

3 августа Следственный комитет выпустил **заявление** о возбуждении уголовного дела о совершении финансовых операций с денежными средствами, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем (п. «б» ч. 4 ст. 174 УК РФ). По данным следствия, «с января 2016 по декабрь 2018 года лица, имеющие отношение к деятельности некоммерческой организации „Фонд борьбы с коррупцией“, включая сотрудников фонда, получили крупную сумму денег в рублях и иностранной валюте, которую „третьи лица“ внесли через банкоматы Cash-in и Recycling в Москве на расчетные счета нескольких банков».

8 августа обыски прошли в офисе ФБК, дома у юристов ФБК Вячеслава Гимади, Александра Головача, Евгения Замятина, Александра Помазуева, Владлена Лося, у регионального менеджера Анастасии Кадетовой и видеомонтажера Виталия Колесникова. Адвокат Помазуева рассказала о применении к подзащитному силы: «При задержании ударили лицом об пол. Травмы: рассечение брови, ушиб лба, ушиб носа с кровотечением». Обыск также производился в компании, которая занималась бухгалтерией ФБК и у бухгалтера, которая сотрудничала с ФБК в 2012–2013 годах.

В тот же день пресс-служба СК **заявила**, что «судебные постановления о наложении ареста на счета некоммерческих организаций „Фонд борьбы с коррупцией“ и „Защита прав граждан“, а также на более чем 100 счетов, принадлежащих ряду физических

и юридических лиц, переданы для фактического исполнения в кредитные организации».

По словам ФБК, в полученных от следователей документах сказано, что сотрудники ФБК «получили из неустановленных источников» свыше 75 миллионов рублей наличными.

Леонид Волков **сообщил**, что речь идет о суммах, которые в последние три года вносились на счета сотрудников наличными через банкоматы. По его словам, часть пожертвований в ФБК получают биткоинами, которые для конвертации в рубли на криптовалютной бирже отправляют покупателю, а тот, в свою очередь, вносит наличные на счет через Cash-in. «Это простая, известная и совершенно законная операция», — сказал Волков.

По **информации** агентства «РБК», основным подозреваемым по делу является бывший глава предвыборного штаба Навального Леонид Волков, в отношении которого силовики пытаются собрать доказательства. «РБК» также сообщило, ссылаясь на внутренние источники, что дело ведет старший следователь по особо важным делам при председателе СКР полковник юстиции Александр Лавров, известный тем, что принимал участие в деле о взятке губернатора Кировской области Никиты Белых и руководил следственными действиями по делу «Седьмой студии» Кирилла Серебренникова. Алексей Навальный **опубликовал** постановления о возбуждении ходатайств за подписью генерал-майора юстиции Габдуллина, который руководил следствием по «Болотному делу» и, возможно, руководит следствием по делу о массовых беспорядках 27 июля.

21 августа в Санкт-Петербурге была задержана Анна Бирюкова, жена Леонида Волкова, руководитель соцслужбы ФБК. Следователи допросили ее и произвели

обыск в ее номере отеля. По прошествии пяти часов Анна Бирюкова была отпущена.

По статье «Легализация или отмыwanie денежных средств, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» фигурантам дела грозит до семи лет лишения свободы.

Дело об угрозах детям силовиков в твиттере

31 июля финансовый менеджер Владислав Саница на вопрос о целесообразности деанонимизации силовиков написал твит: «Посмотрят на милые счастливые семейные фото, изучат геолокацию, а дальше ребенок доблестного защитника правопорядка просто однажды не приходит из школы. Вместо ребенка по почте приходит компакт-диск со снафф-видео». СК **посчитал**, что этим твитом Саница призвал к «противоправным действиям насильственного характера в отношении детей сотрудников правоохранительных органов» и возбудил уголовное дело о ненависти к группе лиц с угрозой применения насилия (п. «а» ч. 2 ст. 282 УК). Автор **признает** что написал твит, но отрицает, что он имел угрожающий характер. Он заявляет, что просто рассуждал о возможных последствиях. Владиславу Санице грозит до шести лет лишения свободы.

20 августа СК **заявил** о завершении следствия в отношении Саницы и сейчас он находится в следственном изоляторе.

Дело против семей с детьми

5 августа **прошел обыск** в доме у родственников объявленного в розыск фигуранта дела о «массовых беспорядках» Сергея Фомина. 6 августа Ольга и Дмитрий Проказовы рассказали о возбуждении дела по статьям «оставление в опасности» (ст. 125 УК) и «неисполнение

обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» (ст. 156 УК). По версии следствия, Проказовы передали ребенка Сергею Фомину во время акции 27 августа, тем самым подвергнув его опасности. Федеральные СМИ транслировали версию, что Фомин прикрывался ребенком, чтобы выйти из оцепления.

В этот же день Московская прокуратура **обратилась в суд** с просьбой лишить Проказовых родительских прав. В сообщении также упоминалось что Дмитрий Проказов «не обладает правом голоса в запланированных на сентябрь 2019 года выборах в г. Москве, поскольку имеет лишь временную регистрацию в г. Москве». Позже Проказов **опроверг** этот факт и обвинил прокуратуру и СК во лжи. Ольга Проказова **сообщала** о том, что прокуратура даже не связывалась с ними, а сразу обратилась в суд. После допроса следователями адвокат Проказовых сообщил, что у следствия **нет к ним претензий**. В ночь на 8 августа Сергей Фомин сам **пришел** в полицию. Следствие допросило его по данному делу, Фомин подтвердил показания Проказова. Позже уголовное дело было закрыто. Суд по иску прокуратуры о лишении родительских прав состоится в начале сентября.

26 августа стало известно, что прокуратура подала иск о лишении родительских прав семью Петра и Елены Хомских. 3 августа Хомские находилась на Пушкинской площади с тремя дочерьми и попали в телесюжет канала «РЕН ТВ», который и стал поводом для иска. Прокуратура утверждает, что детей они взяли с собой, чтобы избежать задержания, и требует изъять из семьи двух дочек — трех лет и трех месяцев. Петр Хомский **рассказал** «Новой газете», что они гуляли с детьми по бульварам, останавливались на детских площадках, играли и в какой-то момент вышли из перехода под Пушкинской площадью, не видя толпу росгвардейцев. По словам Хомского, их прогулка мало чем была похожа на протестную акцию:

они не выкрикивали лозунгов, не несли плакатов, держались подальше от толпы. Детский омбудсмен Москвы Евгений Бунимович **отметил**, что эта ситуация похожа на политический шантаж.

Дело о неоднократном нарушении установленного порядка проведения акций

10 августа во время прогулки после митинга за честные выборы полиция задержала гражданского активиста Константина Котова. 12 августа его отпустили, взяв обязательство о явке в полицию на следующий день для составления протокола. Поздним вечером 12 августа Котов был **задержан** у дома. Его повезли в московское управление СК, где и предъявили обвинение в неоднократных нарушениях на публичных мероприятиях (ст. 212.1 УК).

К статье 212.1 УК было привлечено внимание общественности после того, как осужденный по этой статье московский активист Ильдар Дадин сообщил о пытках, которым подвергся в колонии. Дело Дадина было прекращено, его освободили, а перед этим Конституционный суд **рекомендовал** применять статью только в случаях, когда действия человека представляют общественную опасность. В постановлении о возбуждении дела сказано, что Котов «создавал... помехи функционированию объектов транспортной инфраструктуры и движению пешеходов». 14 августа Пресненский районный суд **отправил Котова под стражу**. Это первый случай, когда суд помещает под стражу обвиняемого по данной статье. 15 августа, через два дня после предъявления обвинений, следователи **заявили** об окончании следствия. Константину Котову грозит до пяти лет лишения свободы.

Дела об уклонении от службы в армии

13 августа домой к 20-летнему студенту РГГУ пришел участковый и доставил его вместе с братом в Кунцевский межрайонный следственный отдел СК. По информации издания «Лента.ру», следователь возбудил в отношении одного из них уголовное дело по статье «уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от службы» (ч.1 ст. 328 УК), а в отношении второго проводится проверка. Позже студента отпустили.

Его адвокат отметил, что «подзащитный, со слов родителей, является студентом очной формы обучения. Следователь сообщила нам, что в ее отделе возбуждено уже три таких уголовных дела. Как мы поняли, сейчас всех участников митингов проверяют на воинский учет, дел может быть больше».

Дело об удалении фильма о Дмитрие Медведеве

22 августа против незарегистрированного кандидата в МГД Ивана Жданова было возбуждено уголовное дело по статье о неисполнении решения суда (ч. 2 ст. 315 УК).

По словам адвоката Жданова, дело завели из-за того, что «в качестве руководителя ФБК, Жданов не исполняет решение суда и не удаляет из интернета фильм „Он вам не Димон“». По этой статье Жданову может грозить до двух лет лишения свободы. Первым обвиняемым этому делу стал Роман Рубанов — бывший директор ФБК. В феврале 2019 года выехавшего за границу Рубанова объявили в розыск. В рамках этого уголовного дела силовики уже допрашивали более 15 сотрудников ФБК.

Скорость следствия

20 августа следственный комитет заявил о завершении расследования в делах о применении насилия

в отношении представителя власти: Данилы Беглеца, Кирилла Жукова и Евгения Коваленко, по делу о возбуждении ненависти либо вражды в отношении Владислава Синицы, по делу о неоднократном нарушении установленного порядка проведения акций в отношении Константина Котова. «По указанным фактам следствием также собрана достаточная доказательственная база, уголовные дела с утвержденными обвинительными заключениями направлены в суд» — говорится в заявлении СК.

Таким образом, расследование дела Константина Котова длилось два с половиной дня, Владислава Синица — 17 дней, Кирилла Жукова — 18 дней, Евгения Коваленко — 20 дней, Даниила Беглеца — 20 дней.

ИНЫЕ МЕТОДЫ ДАВЛЕНИЯ

Судебные иски

Ряд компаний по следам акции 27 июля подали исковые дела на общую сумму свыше 14 миллионов рублей. Дела были поданы в отношении незарегистрированных кандидатов в МГД Юлии Галяминой, Ивана Жданова, Владимира Милова, Любви Соболь, Александра Соловьева, Ильи Яшина, а также сотрудников ФБК Алексея Навального, Георгия Албурова и Олега Степанова.

Так, ГУП «Мосгортранс» заявил в своем иске, что проведение акции протеста привело к перекрытиям проезжей части в различных частях города, задержкам общественного транспорта и потерям рейсов. ГБУ «Автомобильные дороги» заявило об убытках в связи с выделением грузового автомобильного транспорта для организации безопасности дорожного движения и повреждения малых архитектурных форм и элементов обустройства. ООО «АНКОР», владеющее помещением

ресторана «Армения» на Тверской улице, заявило, что было вынуждено приостановить работу с 10 до 20 часов для обеспечения безопасности персонала и посетителей. Иски также подали ГУП «Московский метрополитен» и компания «М.Такси Коммуникации».

«Выявление» призывников

26 июля пресс-служба департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г Москвы **сообщила** агентству ТАСС, что «27 июля 2019 года в центральной части города, в том числе у здания правительства Москвы, планируется задействовать специальные группы по выявлению указанных граждан с целью их последующего призыва».

Собеседник агентства отметил, что «задержанным несовершеннолетним гражданам будет вноситься информация в личные дела о дальнейшем предназначении в прохождении военной службы. Также в отношении несовершеннолетних возможно усиление взаимодействия с военно-учетными столами учебных заведений — задержанных проверят на выполнение требований устава учебного заведения, соблюдение посещаемости и качество учебы».

Правозащитная инициатива «Гражданин и Армия» **заявляла** о том, что после третьего августа гражданам стали приходить повестки из военной прокуратуры с требованием явиться для дачи объяснений по вопросу соблюдения гражданами и районными военными комиссариатами требований Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». Сотрудники проекта рассказали о десятках случаев вызовов в военкоматы и военную прокуратуру. Также проект заявил о недопустимости «подозревать граждан в совершении преступления (уклонении от призыва на военную службу) только на том основании, что они принимали участие

в мирных собраниях с целью выражения своей политической позиции».

Последствия привлечения к административной ответственности

Полицейские могут вручить «представление» работодателю привлеченного к ответственности или руководству учебного заведения, где он проходит учебу. В этой бумаге говорится о том, что было совершено «правонарушение» и нужно устранить его причины. В соответствии с законом, организация должна принять меры и сообщить о них в течение месяца — как правило, это означает вызов на беседу. Иногда объявляют выговор, могут уволить с работы или отчислить из ВУЗа за активистскую деятельность. Официальную причину при этом стараются сформулировать иначе, чтобы не нарушать Конституцию, которая гарантирует равенство прав независимо от убеждений, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств.

Впрочем, накануне 3 августа руководители нескольких московских университетов прямо заявили, что будут отчислять студентов за посещение несогласованных акций протеста.

Так, ректор РГГУ Александр Безбородов **заявил**, что ВУЗ будет обязан реагировать, «если студентом было совершено административное — и тем более уголовное — нарушение». Безбородов также заявил, что в вузах имеются органы студенческого самоуправления, которые дают оценку действиям студентов, допустивших правонарушения. «Они могут предложить вузовскому руководству отчислить человека, и, если было допущено грубейшее нарушение, то подход руководства будет жестким и вплоть до отчисления, да. Нам очень важно молодёжь предупредить, что несанкционированные вещи неприемлемы».

Ректор МПГУ Алексей Лубков **заявил**, что участие студентов в несогласованных акциях «может отразиться на их судьбе, потому что по нашим уставам университетским существуют такие положения, такие нормы, что если это будет грубое правонарушение, то это несовместимо с дальнейшим обучением».

Еще одна мера воздействия — это постановка на профилактический учет. В законе говорится, что профучет — это сбор, регистрация и хранение информации о человеке, который совершил правонарушение. Предполагается, что полицейские оказывают «воспитательное воздействие» и устраняют факторы, «отрицательно влияющие на поведение». В таких случаях полиция как правило ограничивается профилактическими беседами. Хотя в теории участковые могут многое: наблюдать за людьми, за их образом жизни и кругом общения, опрашивать родственников, соседей и других людей. Могут применять меры административного принуждения: от проверки документов до задержания.

Утечки персональных данных

Ночью 9 августа в анонимном телеграм-канале «Товарищ майор» **появились** персональные данные трех тысяч человек. Среди них — задержанные на акциях протеста 27 июля и 3 августа, а также журналисты. Люди, обнаружившие свои телефонные номера в базе, рассказали, что после публикации файла им стали приходить СМС с призывом маскироваться на акции 10 августа и организовывать группы для координации действий. Через несколько часов пост с этой информацией был удален. Издание «Медуза» **выпустило** расследование по следам этой публикации. По утверждению издания, в базе были данные тех, кто выходил на митинги 27 июля и 3 августа, но не был задержан полицией; людей, которые оставляли свои подписи в поддержку кандидатов

в Мосгордуму, а также совершенно случайных людей. По словам одного из собеседников издания, база является результатом оперативной работы МВД, по словам другого собеседника, это можно расценивать как угрозу от городских властей организаторам митинга на проспекте Сахарова 10 августа.

Похожая история произошла перед акцией 3 августа: в день появления акции стало известно о сайте, созданном, по всей видимости, для запугивания участников протестных мероприятий. На нем опубликована база людей, участвовавших в акции 27 июля: их имена, фотографии и ссылки на профили в соцсетях. Надпись на главной странице сайта гласила: «Участие в массовых беспорядках. Статья 212. От 3 до 8 лет».

Отключение мобильного интернета в Москве

По многочисленным свидетельствам задержанных, днем 3 августа в центре Москвы не работал мобильный интернет. «Общество защиты интернета» провело **исследование** и утверждает, что отключение было выполнено по прямому указанию властей. Как следует из доклада, оператор связи обязан отключать услуги по указанию силовых ведомств, но не имеет права раскрывать сведения об этом. Проведенный ОЗИ анализ показывает, что отключения мобильной передачи данных коснулось приблизительно 13 квадратных километров в центре Москвы.

3 августа некоторые протестующие **рассказывали** о попытках подключаться к Wi-Fi сетям близлежащих кафе, но сотрудники сообщали им, что сеть отключена по просьбе правоохранительных органов.

Обсуждение ужесточения митингового законодательства

В начале августа члены Совета Федерации анонсировали новый законопроект, согласно которому в каждом городе будет установлено одно конкретное место для «политических акций» и митинговать за его пределами будет запрещено.

Речь об этом зашла на внеочередном заседании временной комиссии по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ, где протестные акции обсуждались в контексте иностранного вмешательства. Первый заместитель председателя Комитета СФ по конституционному законодательству и государственному строительству Людмила Бокова **предложила** вернуться к обсуждению понятия «вмешательство иностранного государства», а также «внести в законодательство определение мест проведения политических акций, митингов».

Глава Комиссии Андрей Климов в разговоре с корреспондентом «Коммерсанта» **подтвердил**, что Совет Федерации подготовит закон «по точной фиксации мест, где можно проводить мероприятия политического характера — и где ни при каких обстоятельствах их нельзя проводить, уж извините».

На следующий день **в поддержку инициативы высказался** руководитель фракции «Единая Россия» в Госдуме Сергей Неверов. Он назвал недопустимым проведение несогласованных акций «на территориях, где свой выходной проводят граждане, которые не связаны совершенно с мероприятием, и где могут быть различного рода провокации». Неверов также предположил, что в Москве единственным местом для проведения акций может стать проспект Академика Сахарова.

9 августа **стало известно**, что сенаторы рассчитывают подготовить поправки до конца сентября. 15 августа сенатор Людмила Бокова **заявила**, что не видит необходимости в дополнительных запретах, поскольку «все необходимые ограничения есть в действующем законодательстве». Идет ли работа над поправками к закону о митингах, на конец августа неизвестно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выдержки из сообщений, поступивших на горячую линию и в юридическую службу ОВД-Инфо (с незначительными исправлениями орфографии и пунктуации).

Безосновательные задержания

«Шли мимо без плакатов», «в основном в автозаке сидят люди, просто выходявшие из метро» (27 июля, Нижегородский).

«Нескольких людей задерживали особо жестко, у одного болит рука, но не критично. Часть людей просто проходили мимо» (27 июля).

«[На видео] видно, что никакие правила проведения чего-либо не нарушены, а задержание является насильственным и незаконным» (3 августа).

3 августа я была задержана сотрудниками ОВД на Пушкинской площади за съемку материала на телефон. Мои действия были вызваны любопытством, а нахождение на Пушкинской Площади обуславливалось тем, что я направлялась на работу на Тверской бульвар (3 августа).

«Таймлайн задержания следующий: примерно в 15.10–15.12 я зашла в МакКафе рядом с м. Пушкинская, встала в очередь. В это время в Новопушкинском сквере отряд ОМОНа начал теснить всех там находящихся и рандомно задерживать прохожих (я это видела из окна кафе). В 15.19 я оплатила заказ (есть подтверждение интернет-банка), потом еще минут 7–10 ждала его приготовления. После этого вышла с кофе и булочкой и села на скамейку (колонна омона на тот момент уже ушла дальше). На ту же скамейку практически одновременно со мной село еще несколько ребят (некоторые из них тоже с напитками из кафе). Практически сразу же к скамейке подошли омовцы и не представившись и не сообщив, за что нас задерживают (я и остальные мирно сидели, ничего не кричали и не скандировали) увели меня и остальных в автозак. Из автозака я в 15.35 позвонила мужу. С момента выхода из кафе и до задержания прошло минут 5–7» (3 августа).

«Есть несколько человек свидетелей, что меня и этих самых свидетелей схватили полицейские, когда мы сидели на лавочке (!), ничего не кричали и мирно отдыхали» (3 августа).

«Сидел на лавочке, снимал видео. С Трубной не выпускали, заблокировали выходы» (3 августа).

«Задержали незаконно, никаких лозунгов даже не выкрикивал» (3 августа).

«На деле просто проходил мимо. Не скандировал ничего, не держал плакатов и т. д. Задержали просто за факт присутствия на улице Большая Дмитровка» (3 августа).

«Со мной была свидетель задержания (и того, что я просто стоял и ждал зеленый сигнал светофора)» (3 августа)

«Задержание происходило так: на Новинском бульваре стали разбегаться люди при виде ОМОН, я шла спокойно вперед, подошёл омоновец и сказал „девушку тоже заберите“» (3 августа).

«Вышел на Трубной. Стоял в сторонке. Забрали» (3 августа).

«На акции 3-го числа я не присутствовал, но случайно попал на угол ул. Воздвиженка и Моховой в 19:00, где и был задержан. О проходящем митинге просто не знал. Также у меня есть маршрут, записанный программой Google Fit о том, как я передвигался в тот день» (3 августа).

Мы играли в «Pokemon GO», о проходящем митинге не знали. К нам подошел сотрудник в маске и без объяснения причин попросил пройти к автозаку. Нас обыскали без понятых и, все так же не объясняя причин, сказали сесть в автозак. Ни один из задержавших нас сотрудников не представился и не показал удостоверение. Про митинг мы узнали уже в ОВД. У задержанных вместе со мной есть доказательства нашей непричастности (скрины пройденного нами маршрута)» (3 августа).

«Просто прогуливались, шли мимо по Пушкинской, папа снимал на телефон; 4–6 бойцов, спросили, корреспондент ли, просто взяли. Подруга спросила „за что?“ — и ее взяли тоже» (3 августа).

«Я сел на уступ метро, которое было закрыто, выпил воды, встал и пошёл в сторону Лубянки (если не перепутал направление), и в это время ко мне сзади храбро подкрались двое гвардейцев. И да, я там делал фотографии, но это вроде бы не должно расцениваться как митинг» (3 августа).

«Я просто остановился поснимать обстановку для личного архива. После этого они подошли схватили меня под обе руки и сопроводили к полицейскому автобусу. Пока меня сопровождали, я попросил их представиться и объяснить причину задержания. Мне они не стали отвечать» (3 августа).

«Задержан, ожидая возможности перейти светофор с пл. Трубной. В одной группе со мной были другие люди, также ожидавшие возможности перехода» (3 августа).

«Сидел с подругой в кафе „Прайм“ на перекрестке Цветного бульвара и Садовой-Самотечной. Кассир сказал, что кафе закрывается, вывел на улицу. Там было оцепление, через которое по просьбе кассира меня пропустили. Я прошел 3 шага и на меня напали сзади. Вменяют статью. Отмечу, что когда заходил в кафе, вокруг не было оцепления, кричащих лозунги людей и т. п. С собой был дорогой ноутбук и другие ценные и хрупкие вещи, которые я бы не взял на митинг, если бы пошёл» (27 июля).

«Задержали возле Московского дома книги на перекрестке Камергерского и Большой Дмитровки. Я снимал видео, ничего не кричал, [на видео] в конце с вопросом — „зачем снимаете?“ меня взял под руку товарищ в форме и отвел к Дому книги, где я и стоял до прибытия автозака с другими людьми. Есть человек, который там же стоял и у которого есть чеки из Дома книги. Он готов подтвердить, что я ничего не делал, просто стоял» (27 июля).

«Меня задержали на Трубной площади, когда я давал телефоны ОВД-Инфо женщине, чьего мужа задержали. Лозунгов и т. п. я не скандировал, сопротивления не оказывал, о чём написал в пояснении к протоколу» (3 августа, Коньково).

Задержание журналистов

«Сорвали с шеи пресс-карту и унесли, не вернули» (3 августа).

«При задержании на то, что я пресса, всем было все равно. В отделение доставили как участника митинга. Задержание произошло <...> без объяснения причины. Меня провели по уголовному делу об организации митингов — свидетелем.<...> все сотрудники понимают, что задержание прессы это нехорошо, но сделать ничего не могли. Им был приказ, чтобы все подписали протоколы — значит все должны подписать... Сегодня пришли к моему отцу, где я прописан. Искали меня, чтобы я написал объяснительную, что больше принимать участие в митингах не буду, но то, что я пресса, всеми правоохранительными органами игнорируется» (3 августа, Восточное Дегунино).

Задерживающие не представляются и не называют причины задержания

«Я планировал принять участие в мирной акции, но был задержан в 15 часов 26 минут. Ничего предосудительного не совершал. Считаю свое задержание и удержание незаконным. Сотрудники Росгвардии, задержавшие меня, не представились, не предъявили документы, не сказали, почему меня задерживают. Во время задержания не сопротивлялся. Получил ссадину от сотрудника Росгвардии во время задержания» (27 августа).

«При задержании ему не представились, на просьбу представиться кричали „не сопротивляйся“» (3 августа).

«Сотрудники сообщили лишь то, что я должен пройти с ними, и после этого с применением силы препроводили меня до автобуса полиции. Вопреки моим требованиям, сотрудники не представились, не показали удостоверения, не назвали причину моего задержания» (3 августа).

«Те, кто скручивал, и те, кто доставлял до отделения, ничего не объясняли (основания, и т. д.). Их имен, званий и прочих деталей не знаю» (3 августа).

«Полиция в масках повалила на землю, один из них ударил в живот, засунули в автозак. Не представились, не объяснили причин» (3 августа).

Применение силы при задержании

«При задержании меня сбили с ног двое здоровых полицейских, сам я не высокого роста. После поставили к стене, и начали бить по почкам с насмешками и вопросами: „Нравится по митингам ходить? А получать нравится?“ Я крикнул: „зачем мы меня бьете?“, после чего сзади меня начала вести видеосъемку девушка, тогда он сотрудник остановился. Позже, в автозаке, одного совершеннолетнего гражданина начали учить „уму-разуму“: Вывели на улицу, надели на него наручники и начали также бить по почкам, животу и вроде ногам. Ему не давали воды, и у него были проблемы с сердцем. Вода у них была» (27 июля).

«Кстати, меня сотрудник ударил. При отгрузке в автозак. Я не оказывал сопротивления, просто висел. Ему было тяжело и он разозлился» (27 июля).

«Задержан на Дмитровке. Автозак стоит у гриль-бара „Жаровня“. Жестко избивали. Находится там один. Его сильно избили, обещали вернуться и избить еще раз. Его тошнит, кружится голова, поднялось давление» (27 июля).

«Гулял с отцом по центру. Сопротивления при задержании сотрудникам не оказывал. Был неправомерно избит» (3 августа).

«Полиция в масках повалила на землю, один из них ударил в живот, засунули в автозак. Не представились, не объяснили причин» (3 августа).

«Кровь из головы от удара дубинкой. Телефоном пользоваться запрещают. Автозак. Просит медпомощи» (3 августа).

«Вызвали скорую, кровотечение на ноге» (3 августа).

«Порвали рубашку и забрали рюкзак» (3 августа).

«У несовершеннолетнего забрали телефон и ударили по лицу» (3 августа).

«Разбили нос и бровь, течет кровь» (3 августа).

«Несовершеннолетнего ударили 2 раза головой об автозак» (3 августа).

«Выламывали руки, били в живот» (3 августа).

«Задержали у Трубной <...> во время выгула собаки. Трое в масках начали крутить, сильно били по почкам. Хотели забрать собаку, в итоге дали оставить на руках. Требуется скорая» (3 августа).

«У одного задержанного сломан нос» (3 августа).

«Били по лицу, били по ногам» (3 августа).

«Кулаком в живот, избит, сломали очки» (3 августа).

«Задержанному вывихнули ключицу, его увозят на скорой. Составили только протокол о доставлении, и дали обязательство о явке» (10 августа).

«Побили, когда сажали в автозак» (10 августа, потом привезли в ОВД Таганский).

Долго держат в автозаке

«Задержали их в 16:20 и после в течение двух часов по жаре катали в автозаке» (27 июля, Нагорный).

«Привезли к ОВД в Троицке, заперли в автозаке, никого не выпускают. В машине жара, телефон показывает 40 градусов» (27 июля, Троицкий).

«На оформление выпускают из автозака по 3–4 человека. Остальные сидят в жаркой машине» (27 июля, Южнопортовый).

«Продержали в автозаке с 16 до 20:30» (27 июля, Фили-Давыдково).

«Держат в автозаке больше 2 часов» (27 июля, Свиблово).

«Троих несовершеннолетних и еще одного из них повели на оформление. Остальные уже около двух часов сидят в автозаке, просят адвоката» (27 июля, Алексеевский).

«Держат больше 3 часов, не дают воды, адвоката нет» (27 июля, Ростокино).

«Держат в автозаке более 3 часов, некоторых более 5 часов» (27 июля, Хорошево-Мневники).

«Людам в автозаке не передают воду, из автозака не выпускают (4 человека), адвокатов и депутатов не пускают» (3 августа, Арбат).

«Четыре часа держат в автозаке» (3 августа, Обручевский).

«Выехали в 16.00 и до 20.00 в автозаке провели» (3 августа, Марьино).

«Выводят по одному, отбирают телефон и паспорт и заводят обратно в автозак» (3 августа, Печатники).

Не регистрируют при доставлении

«Забирали людей для составления, вернувшийся сказал, что сотрудники били и заставляли что-то подписывать. В книгу ничего не заведено» (27 июля, Красносельский).

«Не показали книгу учета и даже не начали записывать. Сидим просто так» (3 августа, Вешняки).

«В книгу задержаний не вносят» (3 августа, Текстильщики).

«Не внесли в книгу учета в ОВД, даже после требований задержанных» (10 августа, Бутырский).

«В книгу учета не записали» (10 августа, Даниловский).

«Не записали в книгу учета» (10 августа, Академический).

Превышение срока задержания

«Сидят только по протоколу доставления с 21:13 (реально — раньше) без протоколов. Забрали паспорта и не отдают. Обещают держать 48 часов „по закону“. По какому? „По закону“. Бумагу для жалобы на действия сотрудников не дают» (27 июля, Марьино).

«Не составляют протоколы, они уже 5 часов» (27 июля, Щербинский).

«Держат больше 3-х часов, никого не отпустили до сих пор» (27 июля, Люблино).

«3 часа истекли, оформляют, но не отпускают» (27 июля, Филевский парк).

«Был задержан в 14:00 08.03.2019. Был доставлен в Отдел МВД России по району Теплый Стан примерно в 18:00. Из ОМВД вышел только примерно в 4:00 08.04.2019 с нарушением всех сроков и нарушением своих прав» (3 августа, Теплый стан).

«В ОВД продержали более 10 часов. Хотели продержать еще дольше из-за того, что отказывался сдавать слюну. Но на помощь к нам в ОВД приехала член СПЧ Винокурова Екатерина и только благодаря ее напору нас буквально в течении часа отпустили» (3 августа, Теплый стан).

«Держали в ОВД 11 часов» (3 августа, Ясенево).

«Привезли в ОВД Бибирево нас в 16.30, а вышла я оттуда в 00.05. Протокол об административном правонарушении я подписывала уже после 21.30 (точное время подписания не помню, но это было ближе к 22 часам)» (3 августа, Бибирево).

«Продержали в МОВД более 7 часов» (3 августа, Замоскворечье).

«Был задержан в 15 час 45 мин 3 августа возле „Известий“. Покинуть территорию ОМВД Марьино я смог только примерно в 3 часа 30 минут. Таким образом, мое задержание составило гораздо больше, чем три часа. В протоколе о доставлении я указал время задержания. Сам протокол от 21 часа 22 минут» (3 августа, Марьино).

«Продержали в ОВД около 5 часов, возможно, больше. Затем отвезли в СК (Преображенская площадь, 2). Всего продержали около 8 часов» (3 августа, Богородское).

«При поступлении в ОВД не зарегистрировали, держат более 4-х часов» (3 августа, Тимирязевский).

«Привезли примерно в 19:20, а выпустили где-то в 1:00» (3 августа, Южное Медведково).

«Из ОВД Люблино последнего человека отпустили около 2» (3 августа, Люблино)

«Выпустили в 5 утра» (3 августа, Капотня).

«Держат более 3 часов без протокола» (10 августа, Хорошево-Мневники).

«Держат более 3 часов. Не выдают копии протоколов» (10 августа, Академический).

«С момента, когда закончилось законное время задержания, прошло уже полтора часа» (10 августа, Хамовники).

Плохие условия в ОВД

«Просят воды и еды. Говорят, нет кулера» (27 июля, Москворечье-Сабурово).

«Защитник сообщает: задержанным не дают еды со вчерашнего дня» (27 июля, Щукино).

«Очень жестко повалили на землю во время задержания, из-за чего болит спина и голова, а на ноге остались ссадины. С 16 часов его держат в душном помещении. Кроме того, у него отобрали воду, которую задержанному передали сочувствующие» (27 июля, Южное Бутово).

«Задержанным не дают еды со вчерашнего дня» (27 июля, Щукино).

«Полицейские изъяли все личные вещи у задержанных, включая телефоны, давали воду и пускали в туалет, но еду не выдавали, сказали, что „еды нет“» (10 августа, Котловка).

В ОВД не принимают еду, воду, лекарства

«Дочери <...> не дают передать матери лекарства» (27 июля, Южное Тушино).

«В ОВД не пропускают передачи» (27 июля, Алексеевский).

«Не пустили передачу от родственников задержанных» (27 июля, Троицкий).

«Передачи и еду не принимают, никого не пускают к задержанным» (27 июля, Бибирево).

«Не пускают еду, обещали пустить, но не пускают, волонтеры с едой больше часа ждут» (27 июля, Бибирево).

«Не пускают родственников отдавать передачи» (3 августа, Арбат).

«Не разрешают передать воду» (3 августа, Капотня).

«План „Крепость“, не дают передачку сделать» (3 августа, Даниловский).

«Задержали у ОВД, пришли делать передачи. Завели внутрь без объяснения причин. Сказали, что хотят „проверить на незаконные действия“, на вопрос, почему ответили „потому что хочу“» (3 августа, Даниловский).

«Полицейские едят принесенную еду для задержанных» (3 августа, Отрадное).

«Не пускают передачи» (10 августа, Хорошево-Мневники).

Недопуск защитников и адвокатов

Адвоката «не пускают, потому что якобы ордер не распечатан» (27 июля, Троицкий).

«Юриста ОВД-инфо не пускают к задержанным. Задержанные и юрист с двух сторон пытаются объяснить, чтобы юриста пустили» (27 июля, Вешняки).

«В Фили-Давыдково не пускает адвоката. Считают, что на ордере должна быть подпись подзащитного. В итоге пропустили чуть позже» (3 августа).

«Вернувшиеся ребята сказали, что их допрашивали как свидетелей по уголовному делу. Адвоката к ним не допускают». Позже: «Продолжается допрос сотрудниками СК. Адвоката так и не пустили», «Адвоката не пускали, мотивируя тем, что у них нет специальной комнаты для общения с ним» (3 августа, Капотня).

«Не пускают адвоката в ОВД без заполненного ордера и соглашения с каждым», «Заставили адвоката писать запрос на наличие задержанных в ОВД» (3 августа, Бибирево).

«Адвоката выгнали» (3 августа, Бескудниково).

«Подъезжают скорые, сломанный нос, адвоката не пускают, пока не оформят протоколы, телефоны отобрали» (3 августа, Арбат).

«На просьбу адвоката также сказали, что у него нет права на адвоката и вообще нет никаких прав» (3 августа, Южное Медведково).

«Часть людей уже отпустили. Отказывались пускать адвоката и вообще кого-либо» (10 августа, Котловка).

«Не пускают адвоката от ОВД-Инфо» (10 августа, Хорошево-Мневники).

Ограничение связи

«Меня отнесли к автозаку, обыскали, телефон сказали убрать в сумку. Наши вещи в автозаке ехали отдельно от нас, поэтому мы сразу не могли связаться с ОВД-Инфо, и даже в отделении вещи начали отдавать спустя пару-тройку часов» (27 июля, Филевский парк).

«Я не могла дозвониться до задержанных, которых повезли в ОВД „Соколиная гора“: сразу после задержания их телефоны не отвечали. Отдельная история была со входом в ОВД, мне пришлось поднимать кепиш. Когда я попала в ОВД, мне рассказали, что телефоны вместе с личными вещами у всех отняли [силовики], сопровождавшие в автозаке» (адвокат Мария Эйсмонт, 10 августа).

«Отобрали телефоны, не пустили мать одного из задержанных» (27 июля, Орехово-Борисово Южное).

«Задержанных просят выйти во двор, оставив все вещи и в них телефоны, чтобы, по их словам, эти телефоны забрать» (27 июля, Щербинский).

«В ОВД врут, что к ним никого не привозили. Телефоны отбирают» (27 июля, Братеево).

«Выводят по одному, отбирают телефон и паспорт и заводят обратно в автозак» (3 августа, Печатники).

«Силой забрали телефоны сразу на входе в автозак, кто внутри — неизвестно, отпустили трех человек» (10 августа, Котловка).

«Звонил парень <...> Договорить не дали ему» (27 июля, Щербинский).

«Кровь из головы от удара дубинкой. Телефоном пользоваться запрещают. Автозак. Просит медпомощи» (3 августа, автозак приехал в Тропарево-Никулино).

«Информацию передала подруга <...>. Звонить не дают» (3 августа, Тропарево-Никулино).

«Не дают позвонить» (3 августа, Ясенево).

Изъятие телефонов 3 августа

«В следственном комитете у него отняли телефон, на просьбу дать позвонить сначала сказали подождать, потом отказывали, заявляя, что права на звонок у него нет» (3 августа, Южное Медведково).

«Отпущенные показывали сообщения, просмотры на ютьюбе, закладки» (3 августа, Арбат).

«Часть задержанных отпустили, отобрав телефоны, часть (человек 10–12) на момент ее выхода были еще там, кто-то ждал допроса у следователя, кто-то протокола об изъятии телефона (изымали у всех)» (3 августа, Бибирево, 01:16).

«Каждого по полчаса допрашивают. После допроса — опись вещей и забирают телефоны». «Со слов задержанных, переданных адвокатом: блокировки на телефонах обходят через программу: подключают к ноутбуку и взламывают пароли» (3 августа, Капотня).

«Следственный комитет изымает телефоны. телефоны изымают у полиции, которая изъяла их у доставленных» (3 августа, Москворечье-Сабурово).

«Забрали телефон и под давлением узнали пароль» (3 августа, Коптево).

«Отобрали телефон, дали право на один звонок, просит адвоката, угрожают оставить на ночь, если не будет говорить, угрожают уголовным делом» (3 августа, Коптево).

«Забрали силой телефон, отказалась от сдачи. Сейчас пишем заявление на принудительное изъятие. Документов на телефон не выдали никаких» (3 августа, Бибирево).

«Телефон вернули, заставляли вести пароль, смотрели телеграм и звонки» (3 августа, Таганский).

«Забрали мобильный телефон и не выдали никаких документов ни полиция, ни Следственный комитет, который забрал мобильный телефон» (3 августа, Дорогомилово).

«Следователь СК силой отнимал телефон из сумки. После того как отпустили, силой отобрали телефон и никаких бумаг на сей счет не дали» (3 августа, Бибирево).

«Отобрали телефон и не дают никакой информации о том, где он, что с ним и когда заберу. На мои требования дать мне хоть какой-то документ об изъятии у меня телефона получил отказ» (3 августа, Хорошевский).

«СКР провело допрос, изъяли телефон и сим-карту, никаких документов не выдали. Просто всё изъяли» (3 августа, Богородское).

«Также был изъят телефон, копию изъятия мне отказывались выдавать, адвоката выгнали из ОВД и не пускали» (3 августа, Бескудниково).

Дополнительные сложности без телефонов

«У него изъяли телефон, когда он сказал, что там все банковские карты и он банально не сможет домой уехать, сотрудник обманом вывел его за территорию ОВД и выпустил из отдела, не вернув телефон» (3 августа, Нижегородский).

«Забрали, опечатали телефон, симки забрали, телефон и программы запаролил <...>. Ничего не подписывал, кроме листка про оповещение по смс на счет суда» (3 августа, Капотня).

«Я отфотографировал протокол, но так как я прохожу свидетелем по делу о массовых беспорядках, следователи изъяли у меня телефон, на котором остались фото протокола» (3 августа, Коньково).

«Меня отпустили в 2 часа ночи без денег, телефона и какого-либо понятия, в какую сторону мне идти, чтобы добраться до дома» (3 августа, Гагаринский).

«Документов на руках пока нет, телефон, на который я фотографировал все документы, изъял СК» (3 августа, Коньково).

«Указал домашний телефон, т. к. мобильный изъяли» (3 августа, Бибирево).

«Телефон был изъят, не знаю дату суда, постараюсь найти аппарат, напишите, пожалуйста на почту, что делать, когда выйду на связь» (3 августа, Красносельский).

«Смс-сообщение о дате и времени заседания не приходило. Изъяли телефон» (3 августа, Ясенево).

«Телефон новый еще не купил, сим-карту сразу восстановить не получилось, домашнего интернета нет. Таким образом, имею проблемы со связью» (3 августа, Марьино).

Дактилоскопия, фотографирование, взятие биоматериалов

«Задержанных пугают, что на них оформят 20.2 ч. 6.1, и пугают, что в случае, если они откажутся от фотографирования и дактилоскопирования, то их оставят на 48 часов» (27 июля, Троицкий).

«Угрожали оставить на 48 часов за то, что он отказался давать отпечатки пальцев, ему сказали, что это нужно для индентификации личности, хотя его уже нашли в базе данных по номеру паспорта (3 августа, Южное Медведково).

«Обещают отрубить пальцы, если не сделают дактилоскопию» (3 августа, Люблино).

«Дактилоскопию взяли под давлением» (3 августа, Арбат).

«Пытались насильно взять отпечатки при выходе, я не дался, и меня отпустили» (3 августа, Капотня).

«На выходе из кабинета Следственного Комитета его насильно заставили фотографироваться, держали руками лицо, шею, немного душили и угрожали уголовным делом (3 августа, Южное Медведково).

«Полиция в присутствии адвоката кричит, что кто откажется фотографироваться, того будут раздевать догола». Из того же ОВД: «Когда отказалась фотографироваться, следак стал орать, что будет раздевать всех. В итоге всех сфотографировали и взяли слюну» (3 августа, Теплый стан)

«Подписал: отказ от дачи отпечатков и фотографирования. Был сфотографирован в полиции тайком» (3 августа, Обручевский).

«Говорят, что оставят на 48 часов, если не даст отпечатки пальцев, будут кормить дошираком» (3 августа, Обручевский).

«4 человек увели фотографироваться под предлогом, чтобы показать, что с ними все в порядке» (3 августа, Коптево).

«Сфотографировали с паспортами» (3 августа, Западное Дегунино).

«Тут давят. Кто не соглашается фотографироваться — угрожают (3 августа, Бескудниково).

«Хотели заставить пройти дактилоскопию, удалось этого избежать. Также какой-то человек в штатском (возможно один из следователей) сфотографировал меня на свой мобильный» (3 августа, Хорошевский).

«Под угрозой заведения дела о неповиновении власти получили отпечатки моих пальцев и фото» (10 августа, Хорошево-Мневники).

«Взяли слюну, сказали, что так надо, чтобы понять, не привлекался ли ранее к ответственности задержанный» (3 августа, Тропарево-Никулино).

«Следователь сказала адвокату, что у всех будут брать образцы эпителия» (3 августа, Тимирязевский).

«Берут образцы эпителия для сравнения с 27 июля» (3 августа, Теплый стан).

Берут отпечатки и слюну всех, причем сначала — полиция, потом — СК, все несовершеннолетние сдали, не знали, что можно отказаться (3 августа, Северное Бутово).

«У детей в отделении Восточное Дегунино криминалисты пытаются взять анализы ДНК» (Восточное Дегунино).

«У несовершеннолетнего взяли ДНК» (Арбат).

Угрозы

«Юриста выгнали из отдела под угрозой, что оставят на 48 часов всех, кто потребует адвоката» (27 июля, Ново-Переделкино).

«Просят адвоката. Угрожают оставить на 48 часов. Телефон остался один на всех» (27 июля, Алексеевский).

«Говорит, приехали еще какие-то силовики, дают на них. Сотрудники говорят, что 15% задержанных статью поменяют на 318 УК, а 10% еще на какие-то другие» (27 июля, Щербинский).

«Отобрали телефон, дали право на один звонок просит адвоката, угрожают оставить на ночь, если не будет говорить, угрожают уголовным делом» (3 августа, Коптево).

«Угрожали оставить на 48 часов за то, что он отказался давать отпечатки пальцев, ему сказали, что это нужно для идентификации личности, хотя его уже нашли в базе данных по номеру паспорта» (3 августа, Южное Медведково).

«На выходе из кабинета Следственного Комитета его насильно заставили фотографироваться, держали руками лицо, шею, немного душили и угрожали уголовным делом» (3 августа, Южное Медведково).

«Тут давят. Кто не соглашается фотографироваться — угрожают» (3 августа, Бескудниково).

«Поступали угрозы избиения в КАЗ» (3 августа, Арбат).

«Полиция в присутствии адвоката кричит, что кто откажется фотографироваться, того будут раздевать догола». Из того же ОВД: «Когда отказалась фотографироваться, следак стал орать, что будет раздевать всех. В итоге всех сфотографировали и взяли слюну» (3 августа, Теплый стан).

«В ОВД несовершеннолетнему говорят, что если за ними не приедут родители, то их отправят в колонию временного содержания» (3 августа, Южное Чертаново).

«Дали личные данные сотруднику, он заполнил какие-то карточки, вёл себя нагло, пообещал пробить меня по базе, чтобы меня выкинули из вуза за то, что я отказался говорить ему вуз и факультет» (10 августа, Академический).

«Угрожали избиением за то, что потребовал оформить протокол задержания» (10 августа, Москворечье-Сабурово).

«Под угрозой заведения дела о неповиновении власти получили отпечатки моих пальцев и фото» (10 август, Хорошево-Мневники).

Требование подписать документы

«Осталось 10 человек, уговаривают подписывать протокол без адвокатов» (27 июля, Хорошево-Мневники).

«Людей просят что-то подписать: „подпишите и отпустим“» (27 июля, Западное Дегунино).

«Забирали людей для составления, вернувшийся сказал, что сотрудники били и заставляли что-то подписывать. В книгу ничего не заведено» (27 июля, Красносельский).

«Заставляют несовершеннолетнего <...> подписать протокол» (27 июля, Капотня).

«Заставляют подписывать документы о том, что при задержании не было правонарушений» (3 августа, Капотня).

«Никто не представлялся почти. 4 часа не пускали ко мне юриста. В грубой форме отняли (выхватили) телефон и паспорт. Отношение было скотское. Сначала повел на 4 этаж <...> и заставил подписать объяснение (где я написала, что без адвоката отказываюсь отвечать), потом просили его переписать еще с доп. статьями, якобы для моей защиты, ст. 52 и др. ст. Если возмущалась — сразу сыпались угрозы закрыть. Позвонить ни разу не давали. Потом повели в кабинет <...> со следователями СК<...>, которые откровенно издевались: позвонить не дали и ждать адвоката запретили и сразу стали составлять протокол. Сказали, пока не скажу статьи, по которой они должны предоставить мне адвоката и телефонный звонок. Сразу вызвали понятых, чтобы они подписали, что я отказалась давать показания без адвоката. Протокол СК не дали (сказали, раз не подписала — не имею права)» (3 августа, Замоскворечье).

«Задержанных пытаются заставить подписать какую-то странную бумагу: что они информированы, что на несогласованные митинги больше ходить не будут и т. д.» (10 августа, Гольяново).

Не выдают копии протоколов

Отпустили человек 5 из 29. Всех остальных оставляют на ночь. Пока находятся в актовом зале. Обещают развезти по другим ОВД. Человека 3 отказались подписывать протокол, так как не выдают копий. Большинству вменяют 6.1» (27 июля, Москворечье-Сабурово).

«Сломался ксерокс, не выдают копии протоколов» (3 августа, Хамовники).

«Полиция мне не выдала абсолютно ничего, хотя я просил их об этом. Я просил копию протокола» (3 августа, Гагаринский).

«Документов на руках пока нет, телефон, на который я фотографировал все документы, изъял СК» (3 августа, Коньково).

«Держат более 3 часов. Не выдают копии протоколов» (10 августа, Хорошево-Мневники).

«На руки ничего не дали. Копию протокола не получил, статья неизвестна» (3 августа, Дорогомилово).

Изменение части статьи в протоколе

«В 01:55 говорит, что начали оформлять. Вначале оформляли 20.2 ч. 5, потом сказали, что „поступила команда“ оформлять ч 6.1» (27 июля, Москворечье-Сабурово).

«После оформления протокола в ОВД Раменки по ч. 5 20.2 о задержании поступило распоряжение переквалификации на ч. 6.1 20.2» (27 июля, Раменки).

«Мент ошибся при печати протокола и в отделении переправил ручкой ст. 20.2, ч. 8 на ст. 20.2 ч. 5, и сказал, что так и будет. На странице суда пока что ничего нет. Все-таки ст. 20.2, ч. 5, это хорошо» (3 августа, Пресненский).

«Был допрос от следака из СКР. И следачка сказала, что возможно после того, как они проверят, был ли я на митинге 27 июля <...>, то возможно часть 5 изменят на 6 и возможно перенесут заседание на другую дату» (3 августа, Аэропорт).

«На сайте Мосгорсуда по моему делу указана статья 20.2 ч. 8, хотя в протоколе 20.2 ч.5. Ранее по этой статье не привлекался» (3 августа, Теплый стан).

Недостоверная информация в рапортах / протоколах

«Кому успели начать оформлять протоколы в течение трех часов после задержания, писали статью 20.2, часть 5 [КоАП, нарушение установленного порядка проведения акций]. По прошествии трех часов начали писать часть 6.1 (нарушение порядка проведения акции, сопряженное с перекрытием транспортных путей, в отличие от части 5, предполагает возможность административного ареста — ОВД-Инфо).

Соответственно, [тех, кого начали оформлять позже] оставили [ночевать в полиции] и развозили в ОВД, где были свободные места в камерах» (27 июля, Филевский парк).

«В протоколе указали задержание в 14:30 по адресу Тверская, 8; по факту — задержали в 12:45 около м. Охотный ряд» (27 июля, Западное Дегунино).

«Мне инкриминируется хлопанье в ладоши, выкрики, активная жестикуляция и привлечение внимание прессы в период с 14:00 до 15:30. Но по фотографиям видно, что в 4 часа я был еще не в автозаке. На видео видно, что я ничего не выкрикивал и никаким образом не привлекал внимание. <...> у меня есть также чек из „Братьев Караваевых“, что еще примерно в 14:30 я был в них и не мог присутствовать там, где написано в рапорте» (3 августа, Кунцево).

«На всех задержанных, отвезенных в Отрадное, составлены абсолютно одинаковые протоколы» (3 августа, Отрадное).

«В протоколе написано „кричал лозунги“ да ещё и „в составе группы граждан численностью 5000 человек“. Видео показывает, что я ничего не кричал, и на улице не было и 30 человек» (3 августа, Москворечье-Сабурово).

«Текст у нас у всех в Бибирево под копирку: была на митинге, выкрикивала лозунги» (3 августа, Бибирево).

«Протоколы полностью аналогичные» (3 августа, Ярославский).

«В протоколе неверно указано место задержания — Ул. Тверская д. 3 (меня там вообще не было), а по факту задержали возле Ул. Тверская д. 18 к. 1» (3 августа, Хорошевский).

«На второй странице указано, что я, находясь на Трубной площади, привлекал внимание и скандировал лозунги. Этого совершенно точно не было (за исключением неудачного визита на площадь)» (3 августа, Северное Бутово).

«Протокол об административном правонарушении написан „под копирку“ и не содержит фактических данных о моем задержании. Фамилия сержанта, задержавшего меня у метро Охотный ряд, в документах не упоминается». (3 августа, Хамовники)

«В центр я ехал для того, чтобы встретиться с мамой моего друга и с ее внуками, пойти погулять в парк Зарядье. Договаривались встретиться с ними возле метро Китай город к 15–00. По приезду на платформу (около 14–45) м. Китай город я пытался дозвониться на ее номер телефона 14–48, но абонент был вне зоны действия. И я направился в сторону выхода № 8 м. Китай город. Пока их не было, зашел в кафе (около 14–55) „ONE PRICE COFFEE“ по адресу ул. Солянка 2/6, заказал кофе с тортиком <...>. В кафе пробовал несколько раз дозвониться <...>, но не получилось. Примерно в 15–10 я вышел из кафе и вернулся на выход № 8 м. Китай-Город. На улице возле выхода из метро я видел несколько человек в форме ОМОН, но на улице было спокойно как в обычный выходной день. Стоял возле выхода около 5 мин. Один из них подошел ко мне и попросил документы. Я достал свой паспорт. Он долго его разглядывал. Ему показалась странная пометка в паспорте на странице 19. Он сказал „Вам выдавался паспорт 06.02.2015. а на странице 19 написано, что он выдавался 07.02.19.“. Я ответил „На странице 19 дата выдачи загранпаспорта“. Ему показалось это странно и он отправил меня к автозаку. Там посмотрели мой паспорт еще несколько человек в форме Росгвардии. Обыскали мою сумку и меня. И сказали, что надо проехать с ними для выяснения подлинности моего паспорта и моей личности. <...> Меня держали там примерно до 23:00, не объясняя, на каком основании я задержан. Протокол задержания составлялся в конце и когда давался мне на подпись, я узнал о том, что якобы участвовал в несогласованном митинге. Вызвали меня в понедельник 05.08.19 на составления протокола по делу об административном правонарушении. Когда давали подписать, там было указано, что я был в группе лиц около 50 человек на Славянской площади,

1 и выкрикивал лозунги, что не имеет к действительности никакого отношения» (3 августа, Восточное Измайлово).

Протоколы составляются через несколько дней или в отсутствие задержанного

«Насколько я знаю, протоколы об административном правонарушении будут составляться сотрудниками полиции ОВД „Богородское“ 6 и 7 августа» (3 августа, Богородское).

«Меня задержали, отпустили через 6 часов без протокола, дали только обязательство на 5 августа для составления протокола» (3 августа, Бескудниково).

«Я не присутствовал при составлении протокола об административном правонарушении. Поэтому самого протокола я не видел» (3 августа, Бескудниково).

«Продержали в ОВД 9 часов, даже не составив протокол. Будет 20.2 ч. 5 с огромной вероятностью. Суд 23-го августа, в 10:20. 14-го выпишут протокол» (10 августа, Гольяново).

«Протокол был составлен без моего участия, ознакомлен с ним не был, ничего не подписывал. Во время задержания были изъяты все личные вещи, телефоном воспользоваться возможности не имел» (10 августа, Котловка).

«13 августа зовут в ОВД для составления протокола об адм. правонарушении, обещают суд в тот же день» (10 августа, Соколиная гора).

Задержание несовершеннолетних

При задержании и в автозаке

«<...> (несовершеннолетняя) из города Лобня, её родителей сейчас нет в городе. Девушка заикается и находится в напуганном состоянии».

«Несовершеннолетним сказали при задержании, что они похожи на подозрительных лиц» (3 августа).

«Несовершеннолетнего ударили 2 раза головой об автозак» (3 августа).

«У несовершеннолетнего <...> забрали телефон и ударили по лицу» (в автозаке) (3 августа).

**«У несовершеннолетнего <...> болит рука из-за старой травмы и при доставке в ОВД ударили по ноге»
(10 августа).**

**«Несовершеннолетней девушке стало плохо (астма), ее выпустили из автозака, сидит около ОВД»
(10 августа, Хорошево-Мневники).**

В отделе полиции

«Заставляют несовершеннолетнего <...> подписать протокол» (27 июля).

«Берут отпечатки и слюну всех, причем сначала — полиция, потом — СК. Все несовершеннолетние сдали, не знали, что можно отказаться» (3 августа, Северное Бутово).

**«У детей в отделении Восточное Дегунино криминалисты пытаются взять анализы ДНК»
(3 августа, Восточное Дегунино).**

«Не пускают маму и бабушку, которые приехали за несовершеннолетним» (3 августа, Фили-Давыдково).

«Мама приехала за несовершеннолетним, ее не пускают» (10 августа, Академический).

Несовершеннолетнего фотографируют и берут отпечатки пальцев» (10 августа, Москворечье-Сабурово).

Проблемы с тем, чтобы выйти из ОВД

«Двое несовершеннолетних, оба из Чебоксар, одного отпустили, второго оставили до завтра, к нему едут родители из Чебоксар» (27 июля).

«Везут в больницу, так как родители не приехали в течение трех часов» (27 июля).

«У адвоката 10 ордеров. В ОВД 23 человека, 2-е из которых несовершеннолетние. К одному из них приехали родители, а второго повезли в больницу, потому что некому было его забрать» (27 июля).

«Должны забрать родители. Несовершеннолетний, два года не общается с родителями, бабушка не на связи» (3 августа).

«В ОВД говорят, что если за ними не приедут родители, то их отправят в колонию временного содержания» (3 августа, Южное Чертаново).

«Несовершеннолетнего отвозят в спецприемник, родители за ним не приедут» (3 августа, Тропарево-Никулино).

«Несовершеннолетний — не отпускают без матери, которая вернется в понедельник, отправлен в спецприёмник для несовершеннолетних до приезда родителей» (3 августа, Тимирязевский)

«Родителям звонили, но они в Саранске, приехать сразу не могут» (3 августа, Богородское).

«У несовершеннолетнего родители в Оренбурге, в Москве только дядя» (10 августа, Очаково-Матвеевское).

«Несовершеннолетнего увезли в ЦВСН» (10 августа, Хамовники).
